

РОМАН О РОДОВЫХ
ПОМЕСТЬЯХ

ОРЛИНОГО ЦВЕТА КРЫЛЬЯ

ЕЛИЗАВЕТА КРЕСТЬЕВА

У меня есть Мечта. Я хочу её достичь

16+

Елизавета Владимировна Крестьева

Орлиного цвета крылья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63387451

SelfPub; 2026

Аннотация

Она – простая женщина, высококвалифицированный секретарь, в поисках хорошей работы и с мечтой о доме на своей земле.

Он – заносчивый и холодный владелец заводов, пароходов и прочая, давно позабывший о том, что такое настоящая любовь.

Но сколько бы она не пряталась в мешковатый костюм и ненужные очки – нельзя спрятать душу, острый ум и весёлый характер. И прекрасную мечту, которую так хочется разделить на двоих...

Содержание

Орлиного цвета крылья	5
Глава 1	6
Глава 2	33
Глава 3	54
Глава 4	82
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Елизавета Крестьева

Орлиного цвета крылья

Прекрасным земным Богиням – Женщинам
посвящается

Орлиного цвета крылья

*За невлюблёнными людьми
Любовь идёт, как привиденье,
Сражаться с призраком Любви,
Брать от Любви освобожденье
Какое заблужденье!
Все поезда, все корабли
Летят в одном семейном круге,
Они – сообщники Любви,
Её покорнейшие слуги.
Дрожь всех дождей, пыль всех дорог,
Соль всех морей, боль всех разлук –
Вот её кольца, кольца прозрачных рук,
Крыльев прозрачный свет и звук...*

Юнна Мориц

Глава 1

Над Владивостоком висел особенный, пронизанный солнцем, пропитанный автомобильной вонью смог – такой бывает только в августе, когда туманные сырые циклоны покидают побережье Приморья, а местные жители сбрасывают опостылевшие плащи и куртки и в массовом порядке отбывают отдыхать на замусоренные и неухоженные морские пляжи поблизости от города. Но, несмотря на смог и рекордно закупоренные машинами дороги, небо над городом сияло ослепительной голубизной, воробьи чирикали громко и радостно, а с моря дул прохладный легкий ветерок, ослаблявший жару.

Аня стояла на смотровой площадке около здания фирмы «Транс-Инвест» и смотрела на бухту Золотой Рог, забитую всевозможными судами. Она пришла рано, решив не рисковать удачным шансом из-за банального опоздания. Тем более, что автобусы ползли, словно дряхлые черепахи в чудовищных городских пробках. У нее было еще полчаса, и она бездумно и спокойно наблюдала за игрой солнца на морских волнах, наслаждаясь выдавшимся перерывом в обычной суете. Ей было хорошо и даже радостно, хотя ее, судя по всему, ожидало нешуточное испытание – собеседование с гендиректором компании «Транс-Инвест». Михаил Иванович

Филатов слыл личностью легендарной и, по слухам, чуть ли не главным холостяком Владивостока. Жёлтая пресса не переставала страстно обмусоливать его подвиги на любовном фронте, в то время как солидные издания неустанно называли его «экономическим гением Дальнего Востока».

Ниже и чуть правее смотровой террасы находилась парковочная площадка для автомобилей фирмы. Новехонькие навороченные джипы руководящих чинов нагло возвышались над скромными потертыми легковушками младших сотрудников, среди которых, впрочем, мелькали и красивые новые модели – очевидно, принадлежавшие работникам среднего звена. У Ани вообще не было никакого авто, и этот прискорбный факт её нимало не смущал. Она не любила ездить по городу, предпочитая ходить пешком. В студенчестве она всегда пешком ходила в университет, хотя он был расположен почти в часе ходьбы от ее квартиры, и лишь в случае экстремальной погоды или спешки Аня запрыгивала в троллейбус.

По асфальту мягко прошуршали шины, и Аня посмотрела вниз. Две симпатичные машинки – серебристая и синяя, припарковались на площадке. Почти одновременно хлопнули дверцы и наружу выбрались две женщины, в которых Аня не без труда узнала своих конкуренток. В этот раз они выглядели просто сногшибательно. «С длинных ног сшибательно» – довольно язвительно усмехнулась Аня. Конкурентки тем временем заковыляли к лестнице, увязая «шпильками»

в разогретом асфальте и чертыхаясь. Наконец, каблук зацокали по парадной лестнице и их обладательницы предстали перед Аней во всей красе своей косметики, парфюмерии и дорогой одежды.

– О, привет, ты уже здесь? – бросила небрежно дива в темно синем с золотыми пуговицами костюме, ладно облежавшем точеную фигуру. Костюм мог бы показаться даже скромным, если бы не юбка, а точнее юбочка, прикрывавшая от силы треть стройного бедра, покрытого идеально ровным загаром.

– Привет, – угрюмо буркнула вторая, вытащила двумя маникюренными пальцами жвачку изо рта и бросила ее в стоявшую в углу террасы урну. Ее длинная белая шифоновая юбка смотрелась прекрасно, хоть и несколько вычурно, зато кружевной топ позволял увидеть весьма аппетитную грудь почти во всей красе.

– Здравствуйте, – ответила Аня.

Да, когда-то и она была не прочь одеваться им под стать, хотя и не обладала столь выдающимися формами. Да и жила она не где-то, а в Москве, да плюс к тому была дочерью очень, очень известной эстрадной певицы. Но эпоха эта миновала, казалось, столетия назад, и мамы уже не было на этом свете, а между той «шикарной штучкой Анжеликой» и нынешней Анной Егоровной Коробовой пролегла непреодолимая туманная пропасть... Сегодняшняя Аня выглядела неброско и по-деловому. Простой брючный костюм из се-

рого льна тонкой выделки, удобные туфли на низком квадратном каблучке, изящные очки в золотистой оправе, заплетенные в косу «дракончиком» светло-русые волосы.

– Ну, что? – Ольга (в синем костюме) все с той же нарочитой небрежностью бросила взгляд на часы. – Давайте двигать, а то босс рассердится, и обломаются все наши шансы заполучить чудесную работенку.

Наталья – вторая женщина – только мрачно хмыкнула, но пошла вслед за Ольгой. Аня двинулась вслед. Секьюрити у входа лишь бегло взглянули на них и не потребовали пропусков – привыкли за время обучения. Интересно, – думала Аня по дороге к лифту, – если Филатов и в самом деле нуждается в компетентном секретаре, то он устроит нам нехилую проверку, и тогда у Оли шансов маловато, у Натальи и того меньше, а у меня – почти стопроцентный. Но вот если он подыскивает очередную пассию, то картина меняется с точностью до наоборот. А коли он хочет совместить компетентность и сексуальность в одном флаконе, то он вообще пролетел. Ну да ладно, что бы ни случилось – все к лучшему... Любимая присказка на все случаи жизни всегда её успокаивала.

Тем временем сверкающий полировкой огромный лифт дотащил их до пятнадцатого этажа. Женщины вышли из лифта в отделанный мрамором и дубовыми панелями ресепшн-холл, где нетерпеливо прохаживался Игорь Иванович, их преподаватель, который последние три месяца терпеливо и неустанно пытался превратить тридцать доволь-

но привлекательных девушек и женщин в секретарей экстра-класса и мирового уровня. В результате многочисленных тестов и всяческих проверок осталась самая красивая Ольга, самая целеустремленная Наталья и самая умная Аня, из чего Аня сделала вывод, что Игорь Иванович тоже явно не посвящен в тайные желания своего босса и решил подстраховаться не слишком оригинальным способом. Игорь Иванович вообще Аню несколько раздражал. Это была, по сути, мелкая сошка, винтик в огромной машине компании, но грудь Игоря Ивановича всегда несколько выдавалась вперед и особенно сильно, когда он говорил о необыкновенной значимости и экономической мощи «Транс – Инвеста». Его запонки сияли фирменными знаками, а деловитость и значимость он источал в той же осязаемой мере, что и дорогой мужской парфюм.

– Девушки, наконец-то! – воскликнул он, подлетая к ним. – Что ж, рад, очень рад сообщить вам, что после долгого и тщательного отбора соискателей компания в моем лице, – он галантно оскалился, – остановила свой выбор на вас троих. Вам уже сообщили вчера, что речь идет о должности персонального секретаря и доверенной помощницы главы нашей компании – Михаила Ивановича Филатова. Окончательное слово остается за ним. Надеюсь, вы готовы? Коленки не дрожат? – они уже подошли к приемной Филатова. Игорь Иванович услужливо распахнул дверь и пропустил женщин вперед.

Аня бегло оглядела помещение – неброская роскошь дубовых панелей и мебели в тон; толстый бежевый ковёр, неизменные для офисов картины с абстрактными закорючками, огромное окно с видом на Золотой Рог, стол секретаря с секретором, компьютером, телефоном и принтером, стеллаж с папками, файлами и книгами, за столом – секретарша. Женщина в годах, внешне ничем не примечательная, с аккуратно уложенными каштановыми волосами, кивнула им.

– Здравствуйте, – сказала она ровно. – Михаил Иванович вас ждёт. Проходите, пожалуйста.

«Боже, – удивилась Аня, – что, сразу все трое? Разве не будет у каждой индивидуального собеседования?». Мельком взглянув на своих соперниц, Аня заметила на их лицах такое же удивление. Но пугаться и удивляться было уже поздно.

Напротив находилась красивая деревянная дверь с позолоченной табличкой «М.И. Филатов. Генеральный директор». Она была чуть приоткрыта, и оттуда доносился недовольный мужской голос. Аня невольно вспомнила американские фильмы, где все начальники как один имели внушительные формы, тяжелый ворчливый бас и вечно брюзгливое выражение лица. Анино воображение уже успело нарисовать багровую начальственную физиономию, брызжущую слюной в приступе праведного гнева, но тут голос, все же не слишком низкий, громко сказал: «Войдите!», и Игорь Иванович поспешно распахнул перед женщинами дверь. Аня вдруг замерла, хотя дверь еще не успела открыться полностью. Ее

сердце сжалось... в предчувствии? Она и сама не поняла, не успела осознать, что на нее нашло, когда Игорь Иванович укоризненно посмотрел на нее, словно подталкивая взглядом. Вся в растрепанных чувствах, Аня перешагнула порог вслед за Ольгой и Натальей.

– Вот, Михаил Иванович... Наши лучшие кандидатки! – торжественно провозгласил Игорь Иванович, когда все они оказались внутри.

Михаил Иванович, генеральный директор холдинговой компании «Транс-Инвест», сидел, откинувшись на спинку офисного кресла, и внимательно смотрел на вошедших женщин. Аня почувствовала вдруг, как к ней возвращается самообладание и уверенность. Она спокойно и открыто встретила взгляд Филатова, остановившийся на ее лице. Взгляд холодных и суровых серых глаз, льдистых, словно ноябрьское озеро. Повисло неловкое молчание, только тихонько гудел включенный ноутбук на столе. Ольга и Наталья вымученно улыбались. Аня же просто смотрела на него. Наконец, Филатов прервал тишину:

– Вы, в сером костюме, – он снова взглянул Ане в глаза, – останьтесь. Остальные могут быть свободны. Вы тоже, Игорь. Спасибо за проделанную работу.

– Что вы, Михаил Иванович! Не за что, совершенно не за что! – сияющий Игорь Иванович пропустил в дверной проем разом помрачневших Ольгу и Наталью, приторно улыбнулся напоследок и закрыл за собой дверь.

Аня осталась стоять перед гендиректором «Транс-Инвеста». Еще несколько долгих секунд они разглядывали друг друга, он – оценивающе, она – с искренним любопытством.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – предложил, наконец, Филатов, – побеседуем. Аня села, с трудом осознавая реальность происходящего.

Его нельзя было назвать красавцем, скорее... оригинальным, что ли. Было в его лице что-то от античных статуй, а что-то было простым, славянским. Чёткие скулы, небольшой, словно из дерева вырезанный рот, аккуратный сильный нос, удивительно мягкие дуги бровей. Уши небольшие и немного заострённые, словно у сказочного эльфа. Тёмно-русые волосы жёсткими волнами изгибались в чуть взлохмаченной стрижке. Ане хорошо было известно, сколько стоит такая нарочитая небрежность. С этой стрижкой и в простой белой рубашке с коротким рукавом и серых полотняных брюках, он даже не выглядел главой преуспевающей компании. Верхняя пуговица рубашки была расстегнута, видимо по случаю жары, и открывала взору крепкую загорелую шею. Темно-русые виски уже чуть тронуло серебром. Казалось, не за что женщине и взглядом зацепиться, а, ведь, поди ж ты – ни одна устоять не может, как говорят. В деньгах ли все дело? Но Аня уже стало всё предельно ясно: перед ней – сильная, необыкновенно сильная и властная личность. И все эти разноречивые слухи и страстные сплетни – не больше чем мишура и фантики, навешенные на могучую таёжную ель.

Ели этой стоит качнуться, и всё это осыплется в один миг, а её холодная древняя сила останется прежней. Неразгаданной. Даже мрачноватой. От этого человека невидимыми волнами исходила мощная жизненная энергия, аура богатства, власти словно мерцала заманчиво вокруг него, привлекая к нему более слабых людей, словно лампа – ночных бабочек. И бабочки летели ... ломали крылья, теряли разум.

Но Анна Егоровна не из хрупкой породы ночных мотыльков. Деньги и власть не манили ее... как когда-то. Будучи еще только тридцатилетней, эта женщина с прямой спиной и прямым взглядом уже успела расставить в своей жизни все приоритеты и найти свое место под солнцем. Прожить тысячу и одну маленьких жизней, порой откровенно страшных, порой приносивших необыкновенные открытия. Сильных людей она уважала и ценила, но с позиции собственной внутренней силы.

– Представьтесь, пожалуйста, – сказал Филатов. Ане понравилась его твердая, но вежливая манера общения. Она терпеть не могла раздутых и наглых «новых русских» с их лексиконом пьяных орангутангов.

– Коробова Анна Егоровна, – услышала она, к своему удивлению, свой собственный спокойный голос. «До чего рефлексы натренировались на этих дурацких курсах», – подумала она невольно.

– Ну что ж, Анна Егоровна... Кофе варить умеете?

– Это будет моей единственной обязанностью? – не удерживаясь, спросила она.

жавшись, ляпнула Аня и тут же мысленно зашипела на себя и свой вражеский язык.

– Чувство юмора... Опасная вещь порой, не находите? Особенно в смеси с иронией. – Филатов слегка прищурился, и Ане стало немного неприятно.

– Да. Извините.

– О, я не возражаю против остроумия. Я и сам любитель поострить... – он слегка улыбнулся. Улыбка неожиданно смягчила его лицо, сделав его почти озорным, – Ну да ладно. Не возражаете против нескольких вопросов по теме?

– Спрашивайте. – Аня внутренне подобралась. Вот оно, собеседование!

– Кофе варить умеете?

Этот вопрос был повторен таким невыносимо занудным тоном, что Аня не выдержала и прыснула. Филатов снова улыбнулся.

– Умею, Михаил Иванович.

– Зачем вам эта работа?

Вопрос был столь неожиданным, что Аня растерялась и посмотрела в широкое панорамное окно с видом на Золотой Рог. Море сверкало так ослепительно, что ей пришлось поморгать. Филатов молча смотрел ей в лицо. Аня вдруг поняла, что от этого вопроса, точнее от ответа на него зависело, примет ее Филатов на работу или нет. Он был очень тонким психологом, этот «экономический гений». Посмеялись, расслабились – ну кто же после этого сумеет сокрыть свои тай-

ные цели, связанные с этой работой? Но у Ани не было тайн и секретных замыслов.

– У меня есть мечта. Я хочу ее достичь. Для этого нужны средства, – ответила она просто.

– Значит, деньги, – вздохнул Филатов.

– Нет. Мечта.

– Пусть мечта. Но работой вы дорожить не будете, – сказал он полуутвердительно, продолжая смотреть ей в глаза.

– Я не буду делать ее целью своей жизни. Но если я берусь за работу, я выполняю ее хорошо. Настолько хорошо, насколько возможно. Это мой жизненный принцип.

– И много у вас жизненных принципов?

– Нет. Но, если есть, то твердые.

– У вас есть высшее образование, опыт работы?

– ДВГУ, экономический, красный диплом. Работала в фирме «СтройДом» бухгалтером два года, уволилась по собственному желанию, потом в торговом центре на Светланской, главным экономистом в администрации. Ушла оттуда два года назад, больше нигде не работала. Если хотите, можете навести справки. Замечаний и нарушений в моем послужном списке нет.

– Почему же вы ушли? Мало платили?

– Нормально платили. Ушла по причинам личного характера.

– Ясно. Вы замужем?

«Еще один животрепещущий вопрос», – сразу догадалась

Аня.

– Нет, не была и в планах такого не имею.

– Вы, женщины, всегда имеете такое в планах, – усмехнулся директор. – Для вас замуж выйти, что помаду сменить. Впрочем, вы даже не накрашены.

– Если вы думаете, что в мои намерения входит очаровать вас, то вы заблуждаетесь, – сердито отрезала Аня.

– Ну-ну, не скидывайтесь. Вы очень эмоциональны, должен вам заметить.

– Да. Это один из главных моих недостатков, – признала она неохотно.

– Очень хорошо! – вдруг обрадовался Филатов. – Если вы сейчас признаетесь мне еще в паре своих недостатков, то я буду знать, где опасная зона, в случае чего.

Аня немного подумала.

– Помимо вспыльчивости и язвительности – периодические приступы лени и апатии... бывает, гордыня захлестывает. Ну ... и еще куча всего, честно сказать. Но на работе – ни-ни. – Она постаралась обезоруживающе улыбнуться, но улыбка у нее вышла несколько кривая.

Филатов смотрел на нее уже с неприкрытым интересом.

– Знаете, – сказал он, – первый раз слышу настолько самокритичную оценку, да еще и от женщины. Наверное, вы себя недолюбливаете. Ну-ка, скажите мне теперь о своих главных достоинствах.

Аня не стала задумываться.

– Честность, ум, решительность.

– Эй, эй! – воскликнул гендиректор. – Средневековый рыцарь был бы счастлив иметь такие качества! А где же женственность, мягкость, доброта?

– Я думала, вам нужен деловой сотрудник, а не нянька.

Филатов рассмеялся. Аня тоже улыбнулась.

– Ладно, Анна Егоровна. Вижу, с вами не соскучишься. Мне нравится ваша смелость, ваше чувство юмора. Но этого маловато для данной должности не так ли? – он подошел к столу, на котором помимо ноутбука лежало множество папок и документов. Взяв из стопки одну папку, он передал ее Ане.

– Здесь материалы по намечающемуся в ноябре саммиту тихоокеанских стран в Гонконге. Материалы, естественно, касающиеся продвижения на рынке наших услуг. Здесь наметки, пожелания, маркетинговые исследования, примечания, ссылки и прочая каша в том же духе. Ваша задача – разобраться во всем этом, систематизировать, проанализировать, привести все к единому, стройному и звучному докладу... Задача ясна?

– Да. Можно вопрос? Даже несколько?

– Конечно.

– Во-первых, сроки?

– Ежевечерняя отчетность и консультация со мной. Я сам определю степень законченности.

– Во-вторых, приветствуется ли мое мнение и инициати-

ва?

– Не только приветствуется, но и дополнительно оплачивается, если таковая к месту и представляет для меня ценность. Но не думайте, что это так легко – заслужить мое одобрение.

– И последний вопрос. Помимо этой работы, что еще входит в мои обязанности?

– Ну конечно варить кофе! Вы думаете, я шутил? Знаете, сколько я потребляю кофе? – рассмеялся директор, потом снова посерьезнел. – Пока работайте с докладом, дальше посмотрим. Все ясно? Еще вопросы есть?

– Нет.

– Тогда приступайте, – он выглянул в приемную. – Наталья Николаевна!

Женщина, сидевшая за столом, оторвалась от компьютера. Аня успела уловить краешком глаза, что та раскладывала карточный пасьянс, поспешно прикрыв его «вордовским» окошком.

– Да, Михаил Иванович.

– Будьте добры, ознакомьте Анну Егоровну с ее рабочим местом, списком служебных обязанностей и особенно с кофеваркой. После этого можете быть свободны.

Гендиректор пропустил Аню в приемную и закрыл за ней дверь.

После ухода временной секретарши, Аня с головой ушла в работу, изредка отвечая на телефонные звонки и переад-

ресовывая их своему шефу. Ей было немного не по себе из-за того, что Филатову удалось так легко вывести ее из себя. Она работала как одержимая, анализируя, думая, сопоставляя, чертя на офисной бумаге схемы, испещренные пометками, стрелками, цифрами. Филатов, назвав материалы «кашей», нисколько не преувеличивал. К тому же, многие данные попросту отсутствовали, и Ане приходилось обращаться в компьютерную базу данных компании. Ей ни за что не хотелось просить директора о помощи, но некоторые вопросы она все же записала на своем черновике. Когда стрелка часов вплотную подползла к цифре 2, в приемную высунулся Анин босс.

– Ну что, Анна Егоровна? Как продвигаетесь?

– Хорошо, Михаил Иванович.

– С двух до трех у нас обед. Сходите, поешьте.

К своему удивлению, Аня поняла, что ее желудок давно уже мелко трясется и ворчит на свою хозяйку, напоминая о своей чудовищной пустоте. Чашка утреннего травяного чая с медом и блинами не в счет.

– Хорошо, Михаил Иванович.

Он с любопытством стрельнул глазами в испещрённые Аниными пометками листы, но ничего не сказал. Аня «усыпила» компьютер и вышла из приемной.

Но во время скромного обеда в той же столовой для сотрудников, где она питалась, пока обучалась на курсах, Аня продолжала думать над отчетом. Ей все-таки нравилась по-

добная работа, хотя она прекрасно понимала всю ее бесполезность для Вселенной. Зато благодаря этой работе, она быстро воплотит свою Мечту. Но в этот момент мысли Ани не переключились, как обычно, на прикидку стоимости постройки небольшого домика на ее участке земли. Аня вдруг поняла, что думает о своем шефе.

Вроде обычный, хотя и очень успешный бизнесмен. И не с такими крутыми дядьками она была когда-то знакома. И внешне не слишком уж супермен. Но что-то в нем этакое... вот такое... Притягательное, одним словом. Аня почувствовала, что ее мысли принимают опасный оборот и резко вскинулась. Ну, уж нет! Никаких влюбленностей, да еще и не успев толком устроиться на хорошую работу!

По правде говоря, Аня давно забыла, что такое влюбленность, а уж тем более, любовь. «Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь» – всплыло совсем некстати. Но у Ани имелось общее представление о том, как примерно должен выглядеть Он. И какой Он по характеру. И как Он будет ее Любить. Ну и, конечно, Он – единомышленник. Полный и абсолютный, хотя, конечно, не фанат, Боже упаси.

«Любовь нечаянно нагрянет», – крутилось назойливо у нее в голове. Аня окончательно рассердилась и поднялась из-за стола, не допив чай с вкусным пирожком.

Вернувшись в приёмную, которую она еще не решалась назвать своей, она обнаружила на столе записку, на которой мелким мужским почерком было написано: «Буду к 18 ча-

сам. Принимайте все сообщения. Филатов».

Вздыхнув, Аня уселась за работу.

К вечеру в ее набросках начала проглядывать стройная, выверенная система доклада. Аня в очередной раз мерила приемную шагами и пила слабый кофе. Чая в местных кухонных запасах не нашлось. Солнце уверенно клонилось к закату, смягчая блики на морских волнах. Через приоткрытую фрамугу в приемную забрался ласковый соленый ветерок и чуть взъерошил Ане челку. Аня ему улыбнулась, хотя и не могла его видеть. Она была довольна собой. Она даже с каким-то нетерпением ждала своего начальника, в ее голове уже сложилась небольшая речь-доклад о проделанной за сегодня работе.

Наконец, в коридоре раздались приглушенные ковролином шаги, и дверь распахнулась. В приемную вошел Филатов с каким-то мужчиной в дорогушем костюме. Анин начальник одарил ее лишь мимолетным взглядом, сказав:

– Вам придется немного задержаться, – и увел внушительного дядьку к себе. Вскоре там послышались голоса, зашуршали бумаги. Ане стало немного грустно. Вот так всегда, стоит лишь немного почувствовать собственную значимость, как тут же тебя поджидает очередной облом.

А, впрочем, все это пустое. Аня вспомнила, как хорошо ей на своей милой земелюшке. Как тяжело гудят пчелы в зарослях леспедецы, клевера и других цветов, названий которых она все еще не знала. Как потрескивает ночью костер, зача-

ровывая взгляд пляской огненных языков. Как пронзительно нежно звучат перебираемые струны гитары. Как возносится к звездам необыкновенно красивый Сашин голос... заставляя плакать, смеяться, радоваться, улетать ввысь, в бархатную приморскую ночь. Как...

Аня невольно вздрогнула, когда дверь Филатова распахнулась и мужчины вышли в приемную. Филатов выглядел довольным, хотя на его лице это никак не отражалось. Лишь внимательный наблюдатель заметил бы живую искорку, проскользнувшую в его серых глазах и тут же спрятавшуюся вглубь.

Филатов вышел из приемной вслед за гостем, очевидно, намереваясь проводить его до лифта. Аня села за свой стол и начала раскладывать по порядку свои бумаги. Когда шеф вернулся, она была спокойна, собрана и сосредоточена.

Михаил Иванович остановился напротив ее стола и, как в самый первый раз, пристально посмотрел ей в глаза. Аня спокойно встретила его взгляд, не удержавшись, впрочем, от мысли о «чёртовых психологах». Все это продолжалось с полминуты, и Аня чувствовала себя каким-то микроорганизмом, незадачливо попавшим под микроскоп жадного исследователя.

– Не пойму всё же, что вы за птица, – вымолвил, наконец, Филатов слегка устало.

– Я не птица, я – Человек, – с долей вызова ответила Аня. Она не собиралась терпеть фамильярностей даже ради впол-

не симпатичного мужчины.

Филатов хмыкнул, но ничего не сказал. Он взял один из стульев для посетителей, поставил около Аниного стола и рухнул на него. Только сейчас Аня увидела, как он устал. В ее груди шевельнулась вовсе непрошеное сочувствие. Она быстро загнала его вглубь.

– Ну, давайте, показывайте, что у вас получилось, – сказал он.

Бежало время, а Аня всё говорила, объясняла, показывала и доказывала. Солнце отбрасывало на бухту последние закатные блики. Филатов говорил мало, но его четкие, точные фразы столь ясно высвечивали недостатки и неточности в Аниной работе, что Аня недоумевала, как вообще умудрилась их допустить. А еще ее волновало то, что он сидел совсем рядом, и его рука иногда почти касалась её, когда он отмечал карандашом пункты на черновике.

Наконец, гендиректор откинулся на спинку стула.

– Вам не кажется, что мы оба несколько перетрудились сегодня? – спросил он.

– Не могу не согласиться с этим, – осторожно ответила Аня.

– Тогда пойдёмте.

Он встал, и она поднялась вслед за ним. На душе у нее примостился порядочных размеров камень. Она чувствовала себя впервые в жизни, наверное, беспомощной и глупой, хотя работала в полную силу. И не дождалась ни одной, хотя

бы мало-мальской похвалы. Она вдруг поняла, что он – действительно настоящий профессионал. А она – жалкий дилетант. Она шла рядом с ним, молча и не спрашивая, куда он ее ведет. В коридорах уже вовсю сновали уборщицы с гидропылесосами, ведрами, тряпками. Аню больше всего поразило, что Филатов вежливо здоровался с ними, называя всех по имени-отчеству. У Ани был, видимо, настолько ошарашенный вид, что ему пришлось сказать:

– Ну что вы так удивляетесь, Анна Егоровна. Настоящий, ответственный хозяин должен уважать каждого человека в своем штате. Тем более, женщин, благодаря которым в здании так чисто. У них не слишком большая зарплата, а фронт работы – сами видите.

Он замолчал, но потом добавил негромко:

– Моя мать тоже мыла полы когда-то, чтобы меня одеть-накормить.

Аня невольно подняла на него глаза.

– Вы... вызываете уважение к себе, Михаил Иванович.

– На этом я и строю свой бизнес, Анна Егоровна. И это хорошо окупается. Но вот мы и пришли!

Они свернули за угол и оказались перед массивными распахнутыми настежь дубовыми дверями, отделанными тусклой жёлтой латуной.

– «Столовка» только для своих, – с улыбкой пояснил Филатов.

«Столовка» оказалась на самом деле одним из самых уют-

ных ресторанов, в которых Ане приходилось бывать. Мягкий свет, по-домашнему клетчатые скатерти, свежие цветы на столах, хорошие пейзажи на стенах, прочная и красивая дубовая мебель. В конце помещения находилась небольшая аккуратная стойка, за которой сверкал бар с напитками.

– Здорово! – с искренним восхищением сказала Аня.

Гендиректор самодовольно улыбнулся, усаживая ее за уютный столик около окна и попутно кивнув несколькими сотрудникам.

– Погодите, вы еще не отведали нашей кухни.

К ним уже тяжело спешил очень крупный мужчина в сверкающем белизной фартуке.

– А вот и наш кудесник! – воскликнул Филатов. – Петр Афанасьев, собственной персоной! Шеф-повар сам над собой, поскольку не считает, что его мастерством стоит разбрасываться ради каких-то там оболтусов-учеников! Ворчун и задира, гордец и упрямец! – Филатов лучился весельем.

– Дорого обхожусь, к тому же, – ворчливо добавил несколько запыхавшийся, пожилой громоздкий шеф. Но в его суровых маленьких глазках плясали радостные огоньки. – Давненько не виделись, Михаил Иванович. Небось, гастрит уже обострился без моей стряпни!

– Да уж не обострился... Вот, Петр, знакомься – Анна Егоровна, мой новый персональный помощник! Находка, причем очень многообещающая. Секретарь, компьютер и насмешница в одном флаконе. Прошу обслуживать по высше-

му разряду!

Аня отчаянно покраснела, но вежливо улыбнулась шеф-повару.

– Просто Аня, – произнесла она. В ее голове царил отчаянный бардак.

– Значит, просто Петр, – проворчал мужчина так сердито, словно его лично и глубоко обидели. Но Аня уже догадалась, что за нарочитой грубостью манер скрывается добрая душа. Петр Афанасьев ей понравился сразу и безоговорочно. И шестым чувством она поняла, что тоже ему понравилась.

– О, какой моментальный успех! – поразился Филатов. – Вы первая, кто удостоился чести называть нашего шеф-повара по имени. Кроме меня, конечно.

– Что кушать будем, господа? – прорычал Петр. Еще минута, и он кого-нибудь укусит – подумала Аня. – Очень советую индейку с гарниром под красное молдавское или рагу с кабачками и зайчатинной.

Тут директор и повар принялись отчаянно препираться, а она могла только тревожно наблюдать за их перебранкой. Это явно было их личным ритуалом, и Аня чувствовала себя лишней. Но тут Филатов повернулся к ней.

– Предоставим выбор даме, – и они оба выжидающе уставились на нее. Аня выдавила с большим трудом, словно ей улегся на грудь медведь:

– Я не ем мясо... Рыбу, правда, ем... все, кроме мяса... боюсь, ничем не могу вам помочь... – и Аня окончательно

смугилась.

– Ага! – сверкнул глазами повар, ничуть не удивившись. – Вот и ладушки!

И без дальнейших слов утопал на кухню.

Филатов снова разглядывал Аню. На этот раз с неприкрытым изумлением.

– Ну, Анна Егоровна! Скажите мне теперь, что вы не пьёте и не курите, и я тихо сползу под этот стол в глубоком обмороке.

Аня вымученно улыбнулась.

– Я не курю. Но хорошего вина или шампанского выпить иногда могу. Под настроение. Михаил Иванович? – она робко – кто бы мог подумать – робко! – взглянула на него.

– Да?

– Я, что, должна понимать, что я принята на работу?

– А у вас есть какие-то сомнения?

– Но сегодня я слышала... только критику в свой адрес.

– Какую еще критику? – Филатов нахмурился. – Вы прекрасно работаете. Помилуйте, если вы ждете дифирамбов и восторженных излияний, то напрасно. Я не тот человек. Мои замечания вы будете слышать гораздо чаще, чем похвалы, но не настолько же вы глупы, чтобы принимать их близко к сердцу, – сказал он довольно сухо. – Вы действительно находка и редкость и все такое, и вы сами это знаете, так что зачем вам мои восторги? Просто продолжайте в том же духе, и мы с вами прекрасно сработаемся.

Все оставшееся время до того, как Пётр подал им помидоры с брынзой, тушеного сазана в винной заливке, орехи и курагу в вазочке и бутылку белого вина, они молчали и смотрели в окно. Пётр, мрачный как туча, отвесил им полупоклон, пробурчал что-то вроде «Приятного аппетита» и ушел к себе на кухню.

Кушанья были отменными, вино – тонким, но Аня лишь чуть пригубила его, не ощущая вкуса.

Филатов, казалось, потерял к ней всякий интерес, расслабленно глядя в окно и крутя в руке бокал с вином. За окном медленно зажигались огни, разбегаясь яркими дорожками по тёмной воде. Аня устало подумала, что дома сидит голодный попугай, а на автобусе пилить еще полчаса, и то, если повезёт. Когда они доели десерт, гендиректор сказал Ане: – Вот еще что, Анна Егоровна. Не очень приятно говорить об этом, но все же. Дело в том, что женщины, занимавшие этот пост до вас, всегда заканчивали тем, что пытались влезть ко мне в постель. И некоторым это даже удавалось. Но с работой они незамедлительно расставались. Я не смешиваю дела и личную жизнь.

– Думаю, вам нечего опасаться подобного с моей стороны, – довольно резко ответила Аня, чувствуя подступающее раздражение. Подумаешь, плейбой нашелся.

– Я предупредил, – спокойно сказал Филатов. – Завтра к десяти часам я вас жду на рабочем месте.

– Ну рассказывай... колись, давай! – подпрыгивала нетерпеливо Нинка.

Аня вяло посмотрела на нее. Времени было почти одиннадцать, спать хотелось невероятно, но Аня знала, что Нинка и Ирка весь день держали за нее «кулачки». Они имели полное право всё знать. Аня чуть поморщилась. Ну, почти всё.

– Чайку попьем? – спросила она.

– Я еще в семь свежий заварила. Кто же знал, что ты до ночи проторчишь, – они отправились на кухню.

Аня очень любила свою кухоньку. Там было очень уютно и почти всегда тепло даже в стылые, промозглые зимние дни. Но сейчас в Приморье разгар бархатного сезона и окно под вышитой тюлью приоткрыто. Попугай пронзительно желтого цвета по кличке Лимон недовольно чирикал, запертый в клетке.

Нинка только ахала, слушая подробности Аниного приема на работу. И Аня тоже разошлась, забыв про усталость. В конце концов, не каждый день приваливает такое счастье. Напившись зеленого чаю с липовым медом и всякими дорогими конфетами, прикупленными по случаю торжества, они хохотали, развалившись на кровати, над Аниными приключениями, пока их совсем не сморило.

Нина часто оставалась ночевать у Ани. Она позвонила родителям, поболтала с ними немного и ушла в ванную. Аня лежала уже под одеялом, уставившись в потолок. Голова гу-

дела, словно набитая какими-то железками. «Может, у меня и впрямь там микросхемы» – заторможено подумала она. «Секретарь, компьютер и насмешница...».

Нина вернулась уже в ночной рубахе, пахнувшая свежестью и, как ни странно, чем-то лесным, неуловимым. Никакие, даже самые изысканные духи не способны создать такой чудесный аромат.

– Знаешь, – сказала она серьезно, забираясь под одеяло. – Мне тут показалось...

У Ани немедленно ёкнуло в груди. Ну вот, дождалась. Она потянулась и выключила свет, заранее смиряясь с неизбежным. Нинка, конечно, с виду хохотушка и простушка, но людей видит насквозь, порой сама этого не замечая.

– Ну, давай, вываливай... чего уж там.

– А что! – рассмеялась Нинка и весьма чувствительно пихнула её в бок. – Вы ведь очень похожи, судя по твоему рассказу.

– Иди ты... – сил не было достойно отбрехиваться.

– И он тебе понравился! Ну признайся!

– Не знаю... Что-то зацепило, конечно. Но пропасть между нами... чего смеяться.

Нинка помолчала.

– Знаешь, Анька. Всё ведь не случайно. Ты не дёргайся и не злись. Ну и что, что не «в теме». Дядька-то неплохой, хоть и бизнесмен. А, может, у него чистые помыслы!

– Ну-ну, – недовольно и сонно пробурчала Аня. – Давай

спать.

– Давай.

И она тут же мягко засопела, отвернувшись к стенке.

А Аня еще долго лежала с открытыми глазами, глядя, как отсветы фар редких ночных машин бороздят потолок.

Глава 2

– Ну конечно, жизнь – это борьба! – Филатов разгорячился. – Интеллигенты и альтруисты – это, по сути, паразиты общества! Вот, взять хотя бы умного, но бедного Карла и его богатого друга – промышленника Фридриха! Кто у кого на шее сидел?

– У вас своя колокольня. Высокая и позолоченная. Вам с неё, конечно, виднее.

– Я своим трудом и хребтом эту колокольню строил! – Михаил Иванович резко остановился и глубоко вздохнул, успокаиваясь. – У вас прямо дар выводить меня из себя, Анна Егоровна!

Аня внутренне съёжилась.

– Ну при чем тут мнение какой-то секретарши! – отпарировала она. – Вы же большой человек, могли бы и не снисходить... со своей колокольни.

Филатов, в привычной уже ей манере, остановился напротив и оперся пальцами на столешницу. Она упрямо смотрела ему в глаза, не в первый раз задумываясь, сколько еще она продержится на этой работе.

– Ладно, Анна Егоровна, – он взглянул на часы. – Идите, пообедайте.

Аня послушно поднялась. Филатов продолжал стоять на-

против.

– Почему не заглядываете к Петру? Он про вас спрашивал.

Аня сильно смутилась и не успела это скрыть. На щеках проступил слабый румянец. О, она была бы не прочь вкушать прекрасные блюда, приготовленные Петром Афанасьевым. Вот только боялась, что влетит это удовольствие в копеечку. А она уже заказала первую партию леса на строительство.

– Я... я не могу тратить много денег на еду, – Ане было тем более неприятно говорить об этом после только что состоявшегося спора. Вот тебе и благородно-голодная интеллигенция налицо, под крылом у благодетеля-финансиста.

– О чём вы говорите? – довольно сухо поинтересовался Филатов. – Вы питаетесь за счет компании. Это не будет вычитываться из вашей зарплаты.

– Спасибо за благотворительность, – не удержалась Аня. – Не хочу сидеть ни у кого на шее. Даже у фирмы, которая может себе это позволить.

Она вздрогнула, когда ладонь Филатова грохнула по ее столу. Машинально отметила про себя, что электроника не любит такого обращения. Она стояла перед ним, как маленькая провинившаяся девочка перед грозным родителем с ремнём в руке.

– Идите обедать, Анна Егоровна, – прошипел гендиректор. – А не то...

– Вы меня уволите, – прошептала Аня. – А я не боюсь, вот, – она даже тихо хихикнула.

Филатов смотрел на нее, как ястреб на цыплёнка. Да что за характер, – в который уже раз подумал он. И ведь с виду – одна мягкость и нежность. Скромная, светловолосая, сероглазая. Миленькая, но не красавица. И довольно плотная фигура скрыта под простым темно-серым костюмом. Ничего в ней нет от охотницы за мужскими черепами, не похожа она и на старую деву. Но он чувствовал Силу. Он чувствовал внутренний огонь, скрытый за простой внешностью. Она никогда не пыталась провоцировать его, и если бы не он сам, она просто работала бы за своим столом, варила без лишних слов прекрасный кофе, ела в общей столовой и вечером уезжала на автобусе домой. Но раз за разом, вот уже в течение месяца какой-то бес заставлял его делать набег на эту скромную крепость. Даже Мила, его очередная большая страсть, начала чутать неладное и в прошлый раз попыталась прощупать почву: заявила напрямую к его секретарю. Анна Егоровна перенесла неожиданную бурю спокойно и с достоинством. Только потом очень вежливо попросила его улаживать дела со своими девушками самому, что привело его в неопишемую ярость. Хотя её правоту он не мог не признать. И теперь вот она стоит перед ним и храбро улыбается, хотя тонкие пальцы вонзились в ладони. Красивые пальцы... ногти коротко подстрижены, никакого маникюра. Филатов вдруг понял, что именно такие пальцы ему нравят-

ся – простые и естественные, как у ребенка.

– Идите, идите, – он внезапно успокоился. – Не уволю я вас ни за что. Даже если сами попросите. Сходите к Петру, ему будет приятно.

Она улыбнулась. Просто и открыто.

– Хорошо, Михаил Иванович. Обязательно схожу.

Аня вышла из приемной, стараясь унять колотившую ее дрожь. В коридоре никого не наблюдалось, и она побежала к лифту со всех ног, мечтая только об одном – вырваться отсюда на свежий воздух.

День был хмурым, море – серым с редкими белыми ба-
рашками, но ветер приятно охлаждал разгоряченную голову. Аня не накинула куртку, и кожа на руках покрылась пупы-
рышками. Она сделала короткую дыхательную гимнастику и
почти успокоилась. Хотя глаза все равно наполнились сле-
зами. Аня сморгнула их, не растирая, чтобы не покраснели
глаза. Сморгнула еще и еще.

– Это ведь ненадолго, – прошептала она сама себе. – это
ведь мне зачем-то нужно. Зато я построю свой маленький
домик. И никто, слышите, никто не помешает мне больше
жить так, как я хочу. Чтоб вы треснули все с вашей систе-
мой, и ты, Филатов, в первую очередь! – она в сердцах пну-
ла маленький камушек. Море едва не зацепило ее шипящей
волной, и Аня словно опомнилась.

– Прости, Вселенная, – она посмотрела вверх, в серо-мо-
лочную пелену облаков. – Ты знаешь, я тебя люблю, – она

почувствовала знакомую теплую волну в груди, и боль стала понемногу таять. – Я сама выбрала себе судьбу. И я все равно счастлива!

Улыбаясь сквозь слёзы, она обхватила себя руками и медленно пошла вдоль линии прибоа.

Она шла, и воспоминания окутывали ее прозрачной пеленой, смешиваясь с горько-соленым запахом Великого океана...

... – Шире! Растягивай пальцы! Ещё! Ещё, я сказала!

Сухой щелчок линейки. Попало по костяшке, и игла боли пронзила руку. В горле собрался тугой горячий ком.

– Я не могу больше, Анна Георгиевна...

– Куда ты денешься! – побагровевшая от злости учительница музыки схватила ее за руку и растянула непослушные, занемевшие детские пальцы. – А как ты думала, села и заиграла Чайковского? Работать!

Ненависть, желчная, совсем не детская, обида, острая, горячая... Ненавижу эти дурацкие клавиши... эти идиотские гаммы... эту дуру учительницу... этой бы линейкой по ее высокомерной роже... Опять нажалуется маме, и мама будет её ругать, говорить ей, что она бесталанная и ленивая... а потом мама расплачется, и это хуже всего, лучше линейка и гаммы, чем когда плачет мама...

... – Эй, Анжелка, да ты совсем пить не умеешь, как я

погляжу! Поди, и травку ни разу не курила?

Это Колька, впрочем, в миру гордо именующийся Нико, выпускник-одноклассник ищет ее руку своей влажной ладонью, а она почему-то глупо хихикает и неумело отпихивается. Темно, визжит во всю мочь стереосистема, безумно и хаотично чиркают по полу световые полосы, дергаются в пляске и улюлюкают темные фигуры пьяных одноклассников. Выпускной... А потом Колька увлек ее куда-то в подсобное помещение. Тускло и тревожно тлеет наспех сделанная папироса, в голове расплзается мутная дурь... А потом... потом... нет, лучше не вспоминать... никогда...

... – Мама!

– Сопля! Дерьмовка! Я трачу на тебя столько денег! Я нанимаю лучших учителей, будь они неладны! Вся в папашу, такого же дерьмеца!

– Я даже не видела никогда этого папашу! – кричит Аня, юная Анжелика, изо всех сил, отчаянно борясь с желанием накинуться на мать, плеснуть в нее ледяной водой, чтобы та хоть чуть-чуть протрезвела, чтобы перестала все это говорить...

– Папашка твой – продюсер грёбаный нашей студии грёбаной! – завизжала мать.

Аня похолодела. Попятилась, опустила на диван.

– Егор Ключевский... – понимание стрелой пронеслось в голове.

Мать вдруг осознала, что все-таки проболталась. Она явно растерялась, алкоголь не давал собраться с мыслями. Но сказанного не воротишь.

– Вот почему ты стала известной, – испуганно глядя на мать, пробормотала Аня. – Вот откуда твоя слава...

Удар был столь силен, что у Ани потемнело в глазах, а щека тут же онемела.

– Дура!.. – разъяренно зашипела мать, блистательная и обожаемая поклонниками Танита, похожая сейчас на драную злую кошку из мокрой подворотни. Просто Татьяна Сергеевна. Просто несчастная, одинокая, сбившаяся с пути женщина, родившая когда-то ненужного ребенка. – Что бы ты понимала, идиотка! На большую сцену можно попасть только одним путем! Став чьей-то подстилкой!

Танита, звезда сцены и кумир молодежи выбежала из комнаты, наткнувшись на косяк и грохнув дверью так, что по ажурному дверному стеклу побежали трещины.

Щека болела. Аня плакала. Беззвучно и очень горько. Она любила мать несмотря ни на что. Но только что был развенчан её собственный последний кумир. Точно так же, с грохотом и звоном бьющегося стекла.

... – Скажите, девушка... – Аня устало прислонилась к толстому стеклу вокзальной кассы. – Куда можно дальше всего уехать из Москвы на поезде?

Темноволосая симпатичная девушка-кассир с подозрени-

ем оставилась на нее. Но Аня пьяной не была, хотя под глазами залегли глубокие тени.

– Думаю, во Владивосток, – ответила та осторожно. – Девушка, вам нехорошо? Может, проводить вас в медпункт?

– Нет-нет, со мной все в порядке, не беспокойтесь. Есть билет до Владивостока на завтра?..

Как хорошо, что дует прохладный морской ветер...

Оставим прошлое прошлому.

Нет никакой Анжелики, маркизы ангелов. Есть Анна, впереди у которой Вечность.

Когда Аня вернулась в приемную, замёрзшая и опустошенная, она обнаружила на своем столе коробку конфет «Росен» и маленькую смешную игрушку – длинноногого жирафа с глазами, собранными в кучку. На коробке лежала записка, набросанная знакомым убористым почерком: «Нижайше прошу прощения за недостойное поведение вашего начальника. Он вообще-то парень ничего, но с заскоками большого босса. Работа его совсем испортила. Кушайте и наслаждайтесь! Жираф Филя.»

Почему стало так тепло? Может, отопление включили раньше времени? Аня погладила пальцем смешного жирафа. В груди стало совсем горячо, на щеках расцвел румянец.

– Нравится вам мой помощник? – Аня вздрогнула от неожиданности, подняла глаза и увидела Филатова, который

стоял в проеме своего кабинета и наблюдал за ней.

– Михаил Иванович... вам вовсе...

– Нравится? – в его голосе появилось знакомое упрямство.

– Очень, – она не смогла сдержать робкой улыбки. – Он на вас похож.

Филатов мягко рассмеялся, и у нее по спине побежали мурашки. Как редко он так смеялся! Это не было привычным недовольным фырканьем, язвительной насмешкой или усталым невеселым смехом слишком занятого человека. Это был теплый, уютный... домашний смех. На секунду Аня представила его под цветущей яблоней, обнимающим маленького сына, и у нее перехватило дыхание. Картинка была столь яркой и живой, что слова сами слетели у нее с языка:

– Михаил Иванович, у вас есть дети?

Улыбка исчезла с его лица, и взгляд вновь стал холодным. Ане захотелось встать и хорошенько его встряхнуть, увидеть живое, настоящее под гипсовой мертвой маской. И наорать на него как следует.

– Что за странный вопрос, Анна Егоровна?

Аня опустила на стул и потянулась включить компьютер.

– Извините, Михаил Иванович, если вопрос показался вам бестактным. Просто мне показалось, что вы были бы очень хорошим отцом.

– Почему?

Аня снова взглянула ему в глаза, увидела в них все тот же холод, но с оттенком любопытства.

– Потому что вы хороший, добрый человек, – в этом не было ни капли иронии.

Но Филатов расхохотался так, что ему пришлось схватиться за спинку стула, чтобы не сложиться пополам. Аня с грустью смотрела на него. Ей совсем не хотелось смеяться.

Днем еще было совсем тепло, в воздухе разливалась золотистая осенняя нежность, но вечера приносили ощутимую прохладу. Аня сидела у костра, закутавшись в теплый плащ. Песня звенела дружно, задорно, но Аня, против обыкновения, не смогла развеселиться. Она уставилась в пламя, и отблески огня танцевали в ее глазах.

– Анюта, да что с тобой сегодня? Вся сама не своя.

– Ничего, Саш, – улыбнулась она в ответ. – Подустала просто.

– Работёнка у тебя, конечно... – вздохнул Саша сочувственно. В этом сочувствии еле заметно угадывалось напряжение. – Как там твой Филатов, не пристаёт, часом?

Аня дернулась, то ли от слова «твой», то ли от слова «пристает», а может, от всего сразу.

– Не пристаёт, – она понимала, что Сашка искренне беспокоится за неё, но всё равно ответ вышел холодным и колючим. Саша почувствовал это и мягко извинился. Аня же мысленно обругала самую себя. Она терпеть не могла подоб-

ных ситуаций, а они, как назло, проливались на нее словно из рога изобилия. Тёмные силуэты деревьев вокруг вдруг показались ей угрюмыми. Саша сидел рядом молча, и она знала, что он не может пересилить себя, чтобы подняться и уйти, и от этого становилось только хуже. Наконец, он потянулся за гитарой.

– Ура, ведрусы! Саня взялся за инструмент! – это завопили Юрка с Олесей, большие поклонники Сашиного творчества. Остальные, а было их человек тридцать, заулыбались и снова расселись на коврики вокруг костра. Костер тоже обрадовался и с треском выбросил сноп искр, украсивших ночь огненными звездами.

Саша пробежал ловкими длинными пальцами по струнам, проверяя их созвучие. Небрежный аккорд растаял в ночи, и Саша запел...

Аня замерла, уставившись в огонь. Он пел для неё, но как ей этого не хотелось.

О, Боже, как не хотелось...

Было время, я ходил дорогами, ведущими в пропасти.

Было время, я прятался в норах, хоронясь от напастей.

И я рвал на себе волосы и разбрасывался хлебом,

И я выживал и ждал, и я вроде был да не был...

Но вот настало время, когда я что-то понял...

Саня, Саня... Когда же это прекратится...

Люди тихо и прочувствованно подхватили припев:

*Вышей мне рубаху, мама, я нашел свою Дорогу,
И по семицветной радуге я дойду до самого Бога.
Меня ждет мой Бог в резном лесном тереме,
В том тереме Любимая, в том тереме нет времени.*

Аня почувствовала, как к глазам подступают слёзы.

Сашка пел для нее. Он писал это, думая о ней.

А она думала о другом мужчине. Который, не то, что песни сочиняет, а вообще поэтов в грош не ставит. У которого глаза, словно холодная осенняя вода.

Странно, но у неё было ощущение, что ему бы тоже понравилась эта песня...

И я сбросил тогда свои шкуры и с кровью содрал все маски,

*Я отринул крысиные гонки и пустые фальшивые ласки,
Я услышал дыхание Бога и, прозрев, разглядел Дорогу,
И я заплакал от счастья, лишь поставив на нее босую ногу.*

И тогда я понял, что такое Вечность...

Уже в холодной тёмной палатке, заворачиваясь в толстый спальник, Аня всё чувствовала, как её горло сжимается от горечи. Вот умный, красивый, тонкий поэт и певец Саша Пе-

ресветов, даже фамилия и то «анастасиевская» – с одной стороны. А вот, с другой – желчный, холодный, усталый бизнесмен, никогда, наверняка, и не слышавший о зелёных книжках, не то, что читавший...

*Я разжѐг в себе огонь, и он горит ярче самого солнца,
Я нашел в себе источник вдохновенья и испил его до самого
донца,
Я обрел свой Род, и мой Род позвал меня в Вечность,
И я стал Творцом, моя Мечта обрела бесконечность.
И тогда я понял, что такое быть Богом...*

Ну что за глупая судьба!

Сашу и так за глаза называли Аниным, и никто особенно не сомневался, что все закончится Совместным творением. Аня даже передернулась от этой мысли. Нет, Нинка с Ирккой, конечно, так не думали. И Ирка особенно. Ой, как было бы здорово, если и Сашка тоже так на нее смотрел, как Ира на него. Боже! Чего ему от меня надо! Ну не мой это человек! Не нравится он мне! Тут подкралась непрощенная мысль, которой Аня всегда стыдилась. Но мысль от этого становилась только назойливей и в последнее время грозила принять размеры небольшого слона.

А дело в том, что у Ани сформировалось достаточно устойчивое неприятие так называемых «творческих личностей». И дело даже было не в матери, хотя и это сыграло свою

злую роль. Просто слушать певцов и жить с ними – о, это совсем не одно и то же. Аня с трудом остановила вереницу неприятных мыслей, радостно покотившую по накатанным рельсам.

А Филатов... Ещё дня на работе не проходило, чтобы они не поцапались по какому-нибудь поводу. Конечно, не по делу. Аня работала добросовестно, и с тщателью и бесполезно подавляемым удовлетворением наблюдала, как растёт его доверие к её суждениям и серьезность доверяемых ей поручений. Гендиректор теперь таскал её за собой всюду – на все деловые и неофициальные встречи, ненавязчиво оставлял приоткрытой свою дверь, принимая важных гостей, потому что обнаружил в ней способность ясно читать скрытые людские помыслы за их внешним поведением. Иногда ей казалось, что ему нравится ее общество, он шутил, вел себя просто и открыто, словно старый друг. И ей было просто и весело в такие моменты, она с интересом следила за ходом его мыслей, восхищаясь про себя его неиссякаемыми идеями, нестандартными решениями. Иногда они, голова к голове корпели вместе над очередной задачей и в быстром диалоге понимали друг друга с полуслова. Но стоило им отвлечься на посторонние темы, как лёгкая парусная лодка её мысли мгновенно налетала на его могучий бронированный эсминец, разбиваясь вдребезги. И тогда она с едва переносимой болью осознавала, что этот человек ей абсолютно чужой, больше того, он объединяет в себе всё то, от чего она

когда-то отказалась, и воспоминания, которые похоронила в своей душе. Филатов-директор словно воплощал саму систему, перемалывавшую человеческие души. «Господин директор» – называла она его в такие моменты, зная и радуясь, что это его бесит.

Она пыталась уснуть, но сон всё не шёл, усталый ум в который раз перебирал события прошедших дней. А Пересветов пел и пел там, вдалеке, у костра, с самыми рьяными поклонниками, готовыми петь до изнеможения и до полного отупения.

Но следующее утро принесло неожиданное облегчение.

Аня помешивала в котелке привычную утреннюю кашу. Было еще довольно рано, прохладно, но день обещал заняться солнечным и теплым. Из недалеко расположенной палатки слышалась какая-то возня, хихиканье, вжиканье молнии и наружу выбралась Олеся Гребнёва. Несмотря на почти всю ночь бдения и пения у костра она выглядела так, что любая супермодель посинела бы от зависти. Олеська куталась в старую-престарую синюю куртку, была со сна растрёпана, часто моргала и сонно улыбалась, но при этом была так красива, что всё это казалось специальными ухищрениями дизайнеров, затеявших рекламу палаток или туристского образа жизни.

– Привет, – сказала она хрипловато и торопливо заправила за ухо прядь тёмных блестящих волос.

– Доброе утро, – улыбнулась Аня. – Что, замёрзла?

– Да только из спальника вылезла. Юрка теперь до обеда продрыхнет. А я не могу.

– Кашки хочешь? Мюсли с овсяными хлопьями.

– О! Класс! А я свежего кофейку сварю... – она полезла в палатку за туркой и кофе, и оттуда послышалось сонное ворчание. Очевидно, Юре что-то отдавили. Аня фыркнула от смеха.

– Вот ворчунишка, – приглушенно рассмеялась Олеся, выбираясь наружу. – Ух, я тебя туркой-то отхожу, будешь ворчать мне.

Ворчание сменилось жалобным попискиванием, потом звуком поцелуя. Подходя к очагу, Олеся все еще улыбалась чуть таинственно и довольно, как могут улыбаться только любящие и любимые женщины. Аня тихонько вздохнула.

– Олеська, ты такая красивая, – вырвалось у неё.

Олеся чуть не выронила турку.

– Правда? – она так смутилась, что на щеках расцвели алые пятна. – Ты в самом деле так думаешь?

– Я думаю, что ты одна из самых красивых девушек, каких я знаю, – честно ответила Аня.

– Ой, здорово!.. Знаешь, я никогда не считала...

– Ой, да брось! – перебила Аня знакомую песню. – Юрке просто повезло.

– И мне с ним повезло, – быстрый нежный взгляд в сторону палатки. Олеся наклонилась к Ане и взяла ее руку за запястье – неловко, но ласково. – Анята, ты ведь тоже кра-

сивая. У тебя всё получится, да уже получается, я же вижу.

– С Сашей? – почему-то брякнула с горечью Аня.

Олеся откинулась назад и посмотрела на Аню очень пристально.

– Нет, не с Сашей, – сказала она тихо, но уверенно. – Тебе же он не нравится, это же видно.

– Почему-то все так считают, – проворчала Аня.

– Я – нет, – Олеся помешала кофе, источавший восхитительный запах. По верхушкам дубов прошелестел ветерок. Аня ждала, затаив дыхание, что она еще скажет. Она давно уже слышала, что Олеска иногда видит будущее. Может, и сейчас...

– Не похоже, чтоб вы с Сашкой были парой, – продолжила Олеся спокойно. – У меня... ну, чутьё на это что ли. Но ты не переживай. Ты обязательно встретишь свою любовь.

– Скоро? – безнадежно спросила Аня.

Олеся весело рассмеялась, взмахнув синим истрёпанным рукавом.

– Не знаю, что тебе там про меня наговорили, но этого я тебе сказать не могу, – её глаза лукаво блеснули. – А может, ты её уже встретила?

Аня почувствовала, как её заливают красным до корней волос. К счастью, Олеся в это время отвлеклась на звук тяжелой машины, который отчетливо приближался.

– Кто это в такую рань? – удивленно пробормотала она.

Аня вскочила, мысленно благодаря Вселенную. Она уже

поняла, что это за машина.

– Олесенька, кушай, все готово!

– Ты куда? – донеслось ей изумленно вслед.

– Это мне лес привезли!.. – крикнула Аня на ходу.

Все то долгое время, пока разгружался КАМАЗ с брусом, пока брус укладывался рядом с уже готовым фундаментом, пока Аня подписывала накладные и разговаривала с водителем, она чувствовала себя абсолютно счастливой. Вся эта возня, запах ели, смешавшийся с сентябрьским утром, голоса ребят, разгружающих машину, слились в ее памяти в какую-то небесную симфонию, в которую вливался то Моцарт, то Чайковский, то музыкальная заставка из какого-то хорошего фильма. «Я начинаю строить МОЙ ДОМ! Вселенная, как здорово! Мой маленький домик!» – и больше в ее опьянённую счастьем голову ничего не приходило.

Подошел заспанный Юрик, которого Олеся выцарапала-таки из палатки.

– Поздравляю, – и улыбнулся открытой, доброй улыбкой. Аня обняла его с такой силой, что он издал сдавленный стон. Олеська рассмеялась.

– Ну, надеюсь, зимовать будешь в поместье? – это Наташа подошла со спины. Аня обернулась и обняла и её. Господи, она бы всех сейчас обняла и расцеловала, даже Филатова, будь он здесь, и наплевать, что он там себе подумает. Аня осеклась, поняв, что вместо Филатова перед ней стоит Саша и уже просто никак нельзя его не обнять, потому что он все

равно ей друг и будет помогать при строительстве и вообще, она же всех была готова только что обнять и нельзя мешкать, потому что все смотрят, и Бог знает, что они подумают и... Все это молнией пронеслось у нее в голове, и она неловко ткнулась в Сашкину широкую грудь и почувствовала, как его руки прижимают ее к себе и дёрнулась, вырываясь с такой силой, что причинила себе боль.

– Ты чего? – удивленно спросил Саша, стараясь заглянуть ей в глаза.

– Да нет, ничего, просто... – Аня ненавидела врать и поэтому не знала, куда деться от всех и от Сашки прежде всего. Ну почему счастье так недолговечно?

– Чего пристал к девушке? – Олеся со смехом подтолкнула Сашку в плечо. – Работу вам привезли, мужики, а вы тут крутитесь!

«Мужики» отправились к месту стройки, но Саша пару раз оглянулся на Аню. Аня вдруг поняла, что сжимает в руке веточку березки, которую посадила весной в свою живую изгородь. Она отпустила деревце и погладила помятую веточку, прошептав слова извинения.

Наташа еще раз поздравила Аню и ушла на свое поместье готовить завтрак.

Олеся стояла рядом и поглаживала посаженный рядом с березкой кустик сирени.

– Спасибо, – сказала ей Аня.

– Не за что, – ненадолго воцарилось молчание. – Но тебе

надо с ним объясниться.

– Надо, – вздохнула Аня. – Не представляю, как это можно сделать.

– Просто. Искренне. Честно. Освободи свое сердце для нового. Будь сильной!

– Ты права, – Аня понимала, что совет хорош, но понимала и то, что духу у нее пока маловато.

Конечно же, Аня не стала объясняться с Сашкой, отложив это все на неизвестное «потом», на которое так любят надеяться истинно русские люди. А там, глядишь, – и всемогущий «авось» возьмет ситуацию под контроль. Встретится Сане более подходящая кандидатура для музыки, или он в Ирку влюбится, наконец. А что я ему скажу, – сердито думала Аня, – Саш, мне тут кажется, что ты в меня как бы влюблён, так вот, ты это зря...

Тьфу, какая гадость.

Саш, ты замечательно поёшь и вообще ты парень замечательный, но мы не подходим друг другу, мне очень жаль...

Аня сморщилась, словно надкусила испорченную сливу. Ещё не лучше.

Саша, перестань на меня тарашить глаза брошенной собаки, ты меня бесишь!!!

Это, по крайней мере, ближе к истине.

Но все эти сбивчивые и неприятные размышления, слишком напоминающие «жалкий лепет оправдания» быстро потонули в хлопотах вокруг начавшейся стройки. Даже Фила-

тов отошел куда-то далеко на задний план. К Ане вернулась ее обычная весёлость и даже некоторая безмятежность, и все оставшиеся «помещичьи» выходные она была счастлива. Ведь для нее начался последний этап перехода в новую жизнь – стройка ее домика.

Ее домика в её Родовом Поместье.

Глава 3

Прошло две недели.

По-прежнему стояла тихая, солнечная, прозрачная осень. Лишь изредка, как сегодня, например, небо хмурилось, брызгая грустным, прозрачным дождиком в Анино толстое офисное стекло.

Аня сосредоточенно работала. Приближался гонконгский саммит, и Ане даже чудились иногда раскосые глаза азиатских воротил-финансистов, просматривающие ее доклад. Успех «Транс-Инвеста» означал выход на тихоокеанский фондовый рынок и огромные перспективы. Работа всё больше нравилась ей. Она чувствовала нарастающую уверенность в себе и получала искреннее удовольствие от скупых, но не таких уж редких похвал ее требовательного босса. Она искренне восхищалась Филатовым. Этот человек великолепно мыслил, в его голове мгновенно рождались идеи, которые он мог тут же пустить в ход. В то же время он был гибок, словно змея, и умел изменить тактику прямо на ходу. За несколько последних лет он и его команда сумели вытянуть из безнадежной пропасти несколько умерших приморских предприятий, отстроить две значимые автомагистрали, взять в аренду кусок побережья в Хасанском районе и построить там дайвинг-центр и яхт-клуб и еще много всего, что

обеспечило Филатову славу «экономического гения».

Она установила хорошие отношения с тремя его замами и их секретаршами, знала по имени-отчеству всех уборщиц на своем этаже и почти весь управляющий персонал холдинга; обзавелась привычкой в обеденное время весело болтать с Петром Афанасьевым, дожидаясь очередного кулинарного шедевра прямо на его кухне, куда он почему-то её допускал. Анина открытость, вежливость и простота в общении вызывали к ней почти произвольное доверие со стороны даже незнакомых людей. Поначалу расползся было традиционный слух о том, что она спит с начальником, но Аня на лукавые замечания и хитрый блеск в глазах реагировала столь искренним смехом, что слухи быстро завяли на корню. После этого уважения к ней заметно прибавилось, и Аня втайне гордилась этим. Это было очередной маленькой победой на пути к новой счастливой жизни. Когда же начался этот путь? – рассеянно подумала Аня, постукивая пальцем по колёсику «мышки».

Спустя некоторое время после смерти матери Аня впервые попробовала простить себя... или мать... или кого-то еще – трудно было разобрать. Она осознала, что дорога привела её к обрыву. Она помнила то странное ощущение, будто она стоит, раскачиваясь, на самом краю, и холодный ветер времени бьёт ей в лицо. Страх не было, не было боли. Была разверзшаяся перед ней пустота. Тогда у Ани хватило сил,

чтобы осознать, что она по жизни шла тропею войны. Войны со всем миром. Миром, населенным врагами и пронизанным ненавистью и страхом. Где главный враг – она сама, всегда был рядом, и от него нельзя было убежать, и нельзя было его победить.

Она зарыла топор войны. Навсегда. Она смотрела на свое осунувшееся серое лицо в любимом мамином зеркале и смогла, не отводя взгляд, сказать своему отражению: «Я тебя люблю». Но не смогла разжать тогда кулаки с впившимися в кожу ногтями. «Я тебя люблю», – повторяла она упрямо, глотая солёные слёзы.

Она повторяла это каждый час, каждый день, твердила эти простые слова перед тем, как уснуть и первым делом, проснувшись. Она вообще была упрямая. Она научилась улыбаться своему отражению, и ее ногти больше не впивались при этом в ладони.

После продажи квартиры, драгоценностей и оплаты огромных материнских долгов, измученная репортёрами, стремившимися высосать из нее пикантные подробности маминой смерти – мать умерла от передозировки вместе с очередным любовником прямо на своей постели, девятнадцатилетняя Анжелика Коробова, враз оставшаяся без матери, без славы, без денег, без друзей и квартиры вдруг почувствовала огромное облегчение. Как будто с нее сняли средневековые рыцарские доспехи, и она стояла теперь легкая, свободная идти на все четыре стороны. И она отправилась на Казанский

вокзал...

Аня откинулась на спинку кресла и отогнала непрощенные воспоминания. Филатова сегодня не было, приближалось время обеда. Дождь стучался в окна все интенсивнее, похоже, погода испортилась окончательно, но Аня любила дождь. Она задумчиво посмотрела на подувядший букет из осенних цветов на окне. Есть вроде бы не хотелось, и Аня решила пойти прогуляться в сквер и набрать свежих ярких листьев, чтобы поставить их в вазу.

Стремление творить красоту вокруг себя привело к тому, что офис и приёмная гендиректора несколько преобразились. Во время его отсутствия, Аня взяла за правило тщательно проветривать его кабинет, справедливо не доверяя ультрасовременным кондиционерам. Когда директор был у себя и работал, Аня передвигалась практически бесшумно, приглушала сигнал телефона и звук компьютера. Когда Филатов думал над чем-то важным, положив голову на руки и запустив пальцы в волосы (дверь кабинета он закрывать не любил), Аня автоматически готовила свежий кофе и ни с кем начальника не соединяла, записывая необходимую информацию. Еще она стала приносить из дома всякие вкусные мелочи вроде крошечных пирожков с курагой или яблоками, легкомысленных воздушных печений или маленьких пряничков с начинкой и прочих приятных вкусностей, высыпала их в красивую, расписанную Иркочкой тарелку, пристра-

ивала ее с краю на своем столе и с затаенным удовольствием наблюдала, как Филатов, уходя к себе с кружкой кофе, рассеянно цепляет с тарелки очередной пирожок. Несколько простых, но красивых вазочек со свежими цветами или листьями стали неброской, но неотъемлемой деталью интерьера. Аня всегда меняла букеты в отсутствие шефа, не собираясь нарываться на насмешки. Ей было привычно жить в красивом пространстве, где бы она ни находилась, и она получала от этого много удовольствия, которое приятно скрашивало ее довольно однообразную деятельность. Но она и не подозревала, во что это всё может вылиться...

Вернувшись в приемную после прогулки со свежими яркими листьями в руке и радостной улыбкой на лице, она обнаружила в своем кресле шефа, просматривающего набранную ей, но еще не законченную сводку, и против её воли, улыбка сползла с её лица. Она молча прошла к окну и поставила в вазу все листья, половина которых предназначалась для его кабинета, потом сняла влажный плащ и повесила его в шкаф, чувствуя, как спину буравят его глаза. Потом спокойно обернулась к нему.

– Где ваше «здравствуйте»? – ледяным тоном осведомился Филатов.

– Здравствуйте, – спокойно отозвалась Аня, чувствуя приближающуюся бурю. Филатов был не просто зол, – взбешён неизвестно отчего, и Аня понимала, что ей уготована роль боксёрской груши, хочет она того или нет. Все замерло у нее

внутри в ожидании удара, но удар все равно оказался подлым и неожиданным.

– Пытаетесь превратить мой кабинет в райский уголок? – зашипел Филатов. – Хотите, чтобы я оценил ваши женские достоинства? Прикармливаете, чтобы я у вас с ручки стал кушать? На что рассчитываете? На постель? Для любовницы вы в любом случае статями не вышли, уж извините! На прибавку к зарплате? Я вам не за кофе и цветы плачу! Какого черта, я же вас предупреждал, Анна Егоровна! Мне нужны только ваши замечательные мозги! Вы поняли! Только ваши мозги! – последнюю фразу он просто проорал.

Анино лицо застыло в маске спокойствия, но от каждого нелепого, чудовищного обвинения по её спине пробежала холодная дрожь. Жестокая обида скрутила её внутренности в тугой узел, но она так и не смогла ничего сказать. Она стояла и молча, глупо, как баран, смотрела на него, не видя его, не видя ничего вокруг. Воцарившееся гробовое молчание разорвал громкий, как визг, сигнал телефона.

– Да! – рявкнул Филатов, сорвав трубку. – Да, – повторил он уже спокойнее. – Нет, я сейчас сам к тебе подойду.

Он бросил трубку и рывком поднялся.

– Сводка не закончена, – процедил он сквозь зубы. – Не забудьте свериться с курсом валют. К четверем жду законченный вариант, – он стремительно дошел до двери. Уже в дверном проеме он оглянулся на неподвижно стоящую Аню.

– Надеюсь, вы все хорошо запомнили, Анна Егоровна.

Больше повторять одно и то же я не намерен. Всегда можно найти замену кому угодно.

Хлопнула дверь. В ней не было стекла, но ситуация всё равно до боли напоминала ту, из глухого нелюбимого прошлого... Аня почти физически увидела, как сыплются на дорогой ковёр острые матовые осколки, рушатся со своих постаментов развенчанные кумиры.

Она не стала убирать листья и вытряхивать сладости из расписной тарелки. Села за компьютер, сверилась с курсом валют и допечатала завершение сводки. Пока принтер, тихо гудя, распечатывал документ, Аня закрыла фрамуги в приемной и в кабинете Филатова. Потом она рассортировала по порядку отпечатанные листы и аккуратно положила их на своем столе. Подумав немного, выложила на сводку свой пропуск. Подумала еще немного, достала из сумки смешного жирафа и поставила рядом. Вот теперь всё.

Она не помнила, как добиралась до своей квартиры. Вроде бы даже не на автобусе. Дождь лил как из ведра, у нее не было с собой зонта, но это даже радовало. В поисках тепла она заходила в магазины и даже купила в каком-то из них смешную маечку, которая в скомканном виде обнаружилась потом в её сумке. Потом зачем-то сидела в парке на лавочке, и почему-то хотелось поехать на вокзал, но она только смеялась над этим глупым желанием и повторяла, словно заведенная: «Этот номер больше не пройдет, Анжелика Егоровна!» Она бездумно наблюдала за красными и желтыми

листьями клёнов, дрожавшими под струями дождя, и ей казалось, что эти качающиеся листья – единственная в жизни реальность, а все остальное – просто не очень хороший сон, и надо поскорее проснуться, но холодная вода капала ей за шиворот, а она почему-то не просыпалась.

Она всё-таки добралась до дома, кое-как содрала с себя мокрую одежду и забралась в постель. Сквозь непрерывный шум в голове и вереницу беспокойных сновидений слышались настойчивые телефонные трели. Её рука машинально шарила в поисках трубки, не находила, потом трели прекратились, и она провалилась в глубокий сон, почти беспмятство.

Когда Филатов вернулся, то сразу увидел пропуск на секретарском столе и игрушечного жирафа. Он всё мгновенно понял. И испытал огромное облегчение. Он упал в кресло, залихватски ухнул, оттолкнулся ногами и проехался до стены и обратно. Эта глупая женщина умудрялась одним своим присутствием переворачивать с ног на голову его жизнь! И эти её дурацкие цветы и пирожки! Когда жена Василия Андреевича Величко, его первого зама, заглянула в его кабинет в поисках мужа в обеденное время, её намётанный взгляд мгновенно оценил, как неожиданно миленько стало в «Мишиной епархии», как она выразилась. Конечно, она поделилась своим восхищением с мужем, а тот, ничтоже сумняшеся, с самим боссом. Филатов даже растерялся. Он вроде не

замечал ничего такого... Но когда вернулся к себе и при-
смотрелся к обстановке «незамысленным» взором, то сразу
понял, о чём речь. И где-то внутри начал разгораться пра-
ведный гнев. Значит, и она туда же, фальшивая серенькая
скромница...

Взгляд его переместился на тарелку, сиротливо примо-
стившуюся на краю стола. Филатов решительно поднялся,
схватил тарелку и уже собрался шарахнуть ей об пол, но
вдруг замер.

Это была очень красивая, необычная тарелка. Он стях-
нул с неё пирожки прямо на стол. По ободу тонкого фарфо-
ра вился затейливый узор из переплетённых волн, а в центре
из волны выпрыгивали дельфины. Ручная роспись, пусть не
слишком профессиональная, но очень живая, оценил Миха-
ил. Дельфины летели стремительно, их морды радостно улы-
бались. Неужели сама расписывала?..

Филатов присел на край стола с тарелкой в руках, отрешённо глядя на дельфинов.

Она действительно ушла.

Насовсем.

Он так и не понял, что же она от него хотела.

Она не придёт и не потребует в бухгалтерии зарплату, до
которой оставалось недолго. Она не будет больше смотреть
на него спокойными глазами, в которых ему постоянно чуди-
лась лёгкая насмешка. И её острый язык не воткнётся боль-
ше ни в одно его больное место, которые она чувствовала с

безошибочной точностью. И эти её рассуждения, зачастую слишком логичные, чтобы их опровергнуть, слишком... тревожащие, что ли...

Боже, как она его достала!

Его пальцы осторожно погладили рисунок на тарелке.

Почему она так легко сдалась? Ведь ей нужны были деньги, она и сама об этом говорила. Ах, нет, она говорила про мечту. Горячая яростная волна гулко шмякнулась в грудную клетку. Какие там мечты у взрослой одинокой девицы! Тьфу!..

Неужели сама рисовала? Пальцы пробежались по кайме. Не может быть. Вот чудо в перьях! Что ему делать теперь с этой тарелкой?

Что ему делать теперь без неё?

И вдруг стало больно.

Как она посмела уйти?

Захотелось лечь на пол и раскинуть руки.

Он всегда был одинок. Только мама и сестрёнка. Больше никого. Только эти женщины не сливались для него в одно смазливое и алчное, жадное, ненасытное, кровососущее женское лицо, всегда похожее на то... из молодости, из зелёной юности.

Анна Егоровна тоже не сливалась, внезапно мелькнула мысль. Это был доселе незнакомый ему хищный женский подвид. В том, что этот подвид, мутировавший, словно вирус гриппа к очередному сезону, намного более опасный, Фила-

тов не сомневался. Как вовремя он от неё избавился!

Она молчала, когда он на неё орал. Вся из себя холодная и невозмутимая, как статуя американской Свободы.

Только плечи чуть вздрагивали.

Боль, словно свернувшийся в груди маленький злобный дракон, стремительно распрямилась. Филатов вздрогнул.

Ни слова не сказала в свою защиту! И неподвижные серые глаза смотрели прямо в его зрачки.

Длинная зубастая драконья пасть вцепилась в сердце.

Она просто сильнее его. Он это понял с самого начала, но ни за что бы себе в этом не признался. Она сильнее, храбрее, мудрее. Она добрая... Она так и осталась стоять, когда он хлопнул дверью.

Дракон разрывал ему внутренности, рыча и полыхая пламенем.

Тарелка врезалась в стену и разлетелась вдребезги. Он метался, злился, ненавидел себя, но знал, что он побеждён, и всё теперь бесполезно. Да и секретарь она первоклассный, и чутьё у неё превосходное – попискивали трусливые мыслишки, приводя его в бешеное отчаяние. И он снова упал в кресло, тяжело дыша. Постепенно он запихал обратно злобного дракона, громадным усилием заставил его свернуться в кольцо и утихнуть.

Догадалась она или нет, что победила?

Догадалась или нет?

Гудки неслись над залитым дождём Владивостоком.

Никто не отзывался...

– Она очень больна, у нее сильный жар, она спит. Приходите позже, через пару дней, – услышала Аня знакомый женский голос сквозь ватную темную тишину.

– Боюсь, я должен её увидеть именно сейчас, – сказал мужской твёрдый голос.

Женский голос возмутился:

– Я прекрасно знаю, что вы – её начальник, но не брат же и не муж. Так что извините, я вас не пущу.

– Тогда мне придется войти без приглашения, – невозмутимо ответил голос, послышалась какая-то возня, и женщина воскликнула:

– Да что вы себе позволяете!

Аня с трудом разлепила глаза. Очертания комнаты немного расплывались. В этот момент в комнату шагнул Филатов, в рукав плаща которого вцепилась негодующая Нинка, тарасившая на него свои большие черные глаза. Эта картина была так восхитительно нелепа, что Аня фыркнула и с трудом вытолкнула через непослушные губы:

– Отпусти его, Нинка, это не разбойник, это мой шеф. Бывший...

– Настоящий, – спокойно произнес Филатов, внимательно разглядывающий Аню из-под нахмуренных бровей.

Аня вдруг всей кожей ощутила, какое жалкое зрелище она сейчас собой являет: растрепанная, с лихорадочными пятна-

ми на щеках и нездоровым блеском в глазах, лежащая под толстым одеялом. Рядом обнаружился стул с неизменными атрибутами больного человека – кружкой, упаковками таблеток, термосом, шприцами. Когда Аня увидела шприцы, она тут же ощутила, как ноет ее заднее место, в которое подруга успела чего-то наткнуть. Голова ее гудела как рельс, по которому только что промчался груженный состав, а горло драло так, будто она месяц сидела на диете из кактусов.

– Я пыталась его не пустить, между прочим! – воскликнула разъяренная Нинка, готовая оторвать Филатову рукав, а то и чего-нибудь еще. С яростной Нинкой лучше не связываться, это Аня знала по собственному печальному опыту. Как-то они разругались по какому-то идиотскому поводу, и Нинка пропала на полгода, успев расколотить Анину любимую вазу. Они обе очень страдали от этого разрыва, потом долго и упорно ревели, когда помирились и даже нешуточно напились, но с тех пор Аня всегда старалась не распалять вспыльчивую подругу. Так что Филатов был в нешуточной опасности, о чем он, впрочем, ничуть не переживал. Он улыбнулся Нинке и осторожно отцепил ее руку. Потом невозмутимо откинул полы щегольского тёмного плаща и уселся в кресло, стоявшее рядом с Аниной кроватью, словно делал это всю свою жизнь. Нинка, опешив от такой наглости, уже открыла рот, чтобы закатить невиданный скандал, но Аня умоляюще посмотрела на неё:

– Не надо, Нина, пожалуйста!

Нинка зверски посмотрела на Аню и мгновенно переключилась на неё, чего Аня, впрочем, и добивалась.

– А ты тоже хороша, красавица! Ни привета, ни звонка! На звонки тоже отвечать не надо – зачем?! Помирать, так в гордом одиночестве! Ладно, я медсестра! Ладно, ключи есть!

– Я не собиралась помирать, – тихо буркнула Аня.

Пока Нинка устраивала Ане выволочку, Филатов рассматривал Анино жилище. Всего одна комната, как он успел заметить. Простая, скромная, но не без изящества обставленная комнатка с приятными картинками на стенах. Почему-то не удивило его отсутствие телевизора. Не удивил дорогой ноутбук на столе с хорошими колонками, знакомые кленовые листья в вазе на подоконнике и множество комнатных растений в изящных горшках. Не удивил книжный стеллаж, забитый книжками по самое некуда и разнообразные симпатичные сувениры, торчащие то тут, то там. Но были и вещи, заставлявшие задуматься.

Портрет смутно знакомой красивой женщины на стене с усталыми тёмными глазами. Впрочем, некоторое сходство с Аней навело его на мысль, что это её мать, хотя Ане не досталось ни материнских оленьих глаз, ни изящно изогнутого рта. В голове что-то назойливо мелькнуло, но Филатов не успел схватить за хвост быстро скользнувшую мысль.

Стопка зелёных книг рядом с Аниной кроватью заставила его брови поползти вверх. Он, конечно, слышал о «Звенящих кедрах России», но эти книги и люди, их читающие, вы-

зывали у него легкое справедливое презрение, как и у любого нормального человека, столкнувшегося с какими-нибудь сектантами. Как связать с этим всем его умную, необычную и интересную секретаршу, он не знал. Что это могло означать? Скука? Нет, от скуки не держат книги возле кровати и не закладывают в них столько закладок. Развлечение? Так называемый «духовный поиск»? Он поразмыслил еще немного, но за недостатком информации отложил все размышления и выводы на потом.

Нинка уже спустила основной пар, но Аня видела, что теперь ее снедает жгучее любопытство. В общем-то, Ане было безразлично, что Филатов приехал к ней извиняться, в чём не могло быть сомнений, хотя раньше масштаб подобного события заставил бы ее глаза вылезти на лоб. Вся её боль и огромная обида, причиненная этим человеком, уже успели трансформироваться в обыкновенную, хоть и тяжелую болезнь. Аня давно научилась прощать. Но она чувствовала, как место ее робкой влюбленности медленно занимает спокойное разочарование. Ее обычное неверие в любовь. Ей захотелось на свою землю, хотя за окном было пасмурно и промозгло.

– Нина, ты не обидишься...

– Обижусь, – мгновенно среагировала Нина. – Но я и так с дежурства сбежала.

Она сердито зашуршала упаковками таблеток. Аня печально вздохнула. Ссориться с Нинкой ей хотелось еще

меньше, чем выяснять отношения с Филатовым. Пить таблетки – тем более. Но Нинка была непреклонна.

– Вот это ты пьешь сейчас. Это – через полчаса. В термосе – отвар шиповника. Можешь медом подсластить. Шиповник чтобы весь к вечеру выпила.

Она встала и несколько неохотно, как показалось Ане, потянулась за сумкой.

– Да, – сказала она решительно, – если к шести я до тебя не доберусь – выпьешь еще одну такую, – она помахала упаковкой у Ани перед носом. Аня с отвращением прочитала непонятное слово и пробормотала:

– Я не пью таблетки...

Нинка в корне подавила ее вялое сопротивление:

– Теперь пьешь, – отрезала она. – Иначе я приезжаю на «Скорой» и с полным основанием кладу в больницу с подозрением на пневмонию.

Она не шутила. Она и работала на «Скорой» диспетчером, так что Ане пришлось промолчать.

– Вечером сделаю тебе уколы. Всё, я полетела. Учти, я всё пойму – пила или не пила. Так что... А вы, гражданин начальник, – повернулась она к Филатову, – не задерживайтесь с визитом и не утомляйте больную. Я всё проверю.

Филатов, улыбаясь, обезоруживающе поднял руки. И в этот момент Нинка отчетливо увидела в нём Аниного мужа – так неразделимо они выглядели: беспомощная больная женщина и ее мужчина с тревожными беспокойными глазами.

Нина моргнула, и наваждение исчезло, и она даже удивилась его нелепости. Анька и Михаил Филатов: ну не бред ли!

Они оба молча ждали, пока хлопнет входная дверь. Дверь хлопнула, и они всё так же молча посмотрели друг на друга. Аня не выдержала и первая отвела глаза.

– Я совсем вас не ожидала увидеть, – просипела она смущённо, хотя сказать хотела совсем не то.

Филатов улыбнулся. Почти нежно, как ей показалось. Её сердце, до этого словно висевшее в замороженной пустоте, вдруг болезненно толкнулось в ребра и стало горячо и почему-то стыдно. Она пересилила себя и снова посмотрела в его глаза, чувствуя, как алым заливают щеки.

Он распечатал таблетку и налил в её кружку отвар из термоса.

– Выпейте, – протянул он таблетку и кружку.

Аня ошалело уставилась на крепкую суховатую ладонь, на которой сиротливо белел кружочек таблетки. Вот бы взять губами этот кружочек и заодно потереться щекой об эту ладонь и вдохнуть жадно её запах... Так близко... так просто...

– Выпейте, – повторил её начальник уже настойчивее, и она, словно очнувшись, осторожно взяла таблетку, проглотила и запила отваром противную горечь.

– Почему, когда мной командуют, я подчиняюсь? – улыбнулась она вымученно.

– Как же, подчиняетесь, – фыркнул Филатов. – По-моему, у вас всегда своё мнение по любому поводу.

– Михаил Иванович...

Он комично прижал к губам палец:

– Тсс, Анна Егоровна. Ваш сердитый доктор разговаривать много не велел. Я буду говорить, а вы будете слушать.

– Вам не нужно...

– Вот, – посуровел Филатов. – Подчиняется она. Вашим упрямством можно гвозди забивать. Молчите и слушайте.

Аня растерянно замолчала. В голове стоял низкий гул, словно в пчелином улье. А Филатов откинулся в кресле и устремил рассеянный взгляд в стенку напротив.

«Собирается с мыслями», – машинально подумала Аня, успевшая хорошо изучить повадки шефа. «Господи, лучше бы я действительно в нём разочаровалась. Да лучше бы в того же Сашку влюбиться. Да лучше бы вообще ни в кого не влюбляться, жить, как прежде, да радоваться, да поместье строить...» Где-то в непонятных глубинах души Аня всегда осознавала, что вообще-то поместье – это Со-творение.

«Он и она в любви друг к другу веток малины осенью касались...»

Читать эти строки было приятно и мечтать тоже не возбранялось, конечно. Вот только в нынешнюю Анину реальность всё это как-то не вписывалось. Долгая жизнь независимой одиночки сделала своё дело. У нынешней Ани было много друзей-мужчин. Она и сама превратилась в «рубашку-парня», даже забыла, когда в последний раз надевала юбку. Теперь вот и стройкой вовсю увлеклась, заливала фунда-

мент и укладывала брусья наравне с мужчинами. А иголку и в руки не брала, разве что какую-нибудь дырку коряво зашить, да и то частенько просила об этом Ирку, даже не краснея при этом. А ещё она – финансовый работник! Не работница же! И вовсе никакая не женщина! А кто – непонятно... Какая уж тут любовь.

Филатов посмотрел на неё своими пронзительными холодными глазами, и Анина душа сжалась в робкий писклявый комочек.

И всё-таки она женщина, потому что рядом сидит мужчина, с которым невозможно чувствовать себя «рубашкой-парнем». Невозможно даже дышать, потому что воздух становится словно раскалённым, и его больно втягивать внутрь. И вместе с этим воздухом накаляются все внутренности, а сердце бухает, словно кузнечный молот – гулко и страшно...

– Я не знаю, зачем я здесь, – бросил вдруг Филатов сухо и зло. – Я не привык ни перед кем отчитываться и извиняться. Тем более перед... сотрудницами.

В это слово было влито столько яда, что кровь прихлынула к Аниным щекам.

– Саммит-то не за горами, – язвительно прошептала она. Знакомое гневное пламя полыхнуло в его глазах.

– Думаете, без вас бы не обошелся?

– Вот и обойдитесь, – она настолько разозлилась, что стала выкарабкиваться из постели, хотя была лишь в длинной футболке и трусах. Ей хотелось, чтобы этот «финансовый ге-

ний» провалился сейчас ко всем чертям в преисподнюю, откуда, несомненно, и происходил.

– Вы куда? – рука ухватила её под локоть так неожиданно, что Аня вздрогнула и выдернула локоть.

– Я вообще-то у себя дома, Михаил Иванович. Я собираюсь пойти пописать, если вам так интересно. Если вы извращенец, то можете пойти со мной в туалет, я приглашаю.

Нинка всегда говорила ей, что она, Аня – грубиянина, и ей надо рот с мылом мыть после её шуточек. Что любой приличный мужчина от одной такой шуточки пустится наутёк, не говоря уж о предложении выйти замуж. Но Филатов запрокинул голову и расхохотался так громко, что несчастная Анина голова отозвалась протяжным звоном. Аня невольно зажмурилась и тут же снова ощутила его руку под локтём.

– Пойдемте, я вас доведу, – проговорил он сквозь смех. – Но только до двери. На ваше приглашение вынужден ответить отказом. Как-нибудь в другой раз.

«И куда только подевалась его злость?» – растерянно подумала Аня, закрывая за собой дверь.

А Михаил прошел в кухню и огляделся. Кухня как кухня, маленькая, чистенькая, уютненькая. Из клетки на холодильнике на него с подозрением покосился лимонно-желтый попугай. Филатов неожиданно улыбнулся: у Ани на кухне стояла старая электроплита «Мечта», – такая же в точности, как была у них с мамой в старом доме в детстве. Он вспомнил парной запах молодой картошки с зеленью и холодное моло-

ко в кружке. Самая вкусная картошка и самое вкусное молоко... куда там Петьке Афанасьеву. Михаил глубоко вздохнул, отгоняя воспоминания. Взгляд его переместился на гитару, стоявшую в углу кухонного диванчика. Он улыбнулся. Его странная секретарша еще и играет на гитаре. Или это не её? Он осторожно вытянул руку, провел по шероховатым струнам, и они отозвались тихим гудением. Порожки на грифе подстёрлись, лак на корпусе кое-где потрескался, но инструмент был хорош. Очень хорош... Сколько лет он не брал в руки гитару? Восемь? Десять? Пятнадцать? И где же тот Мишка, походник и автостопщик, где его звонкий юношеский тенорок?

В санузле зашумела вода. Попугай громко чирикнул. С фотографии на широком подоконнике ему улыбались три весёлые девчонки на морском пляже. Слева – Нинка, рот смеётся во всю ширь, через плечо – толстая чёрная коса. Справа – незнакомая ему тоненькая девушка с вьющимися волосами, вся в деревянных бусах и плетеных фенечках. Аня – посередине, загорелая, довольная, с распущенной гривой золотистых волос. Он и не догадывался, что у неё такие роскошные волосы. Они же все время стянуты в косу. У всех троих на лбах – плетеная тесьма. Это придавало им какую-то загадочность, необъяснимую привлекательность. Филатов смотрел на фотографию пристально и долго. Потом на него нахлынула неожиданная злость, и он со стуком поставил рамку на место. Вся эта загадочность имеет одну только

цель – соблазнение особой противоположного пола и устройство собственного благополучия. Если бы его секретарша хоть раз попробовала ему так улыбнуться, он бы с легкостью и сразу выставил её вон. Но она не пробовала. Ни разу! И это, как ни странно, злило больше всего.

– Это мы на Чёрном море, – сказала Аня у него за спиной. Теперь она была в свежей футболке и широких льняных штанах, волосы расчёсаны, приглажены и стянуты в тугой хвост.

– Вот как, – без интереса отозвался Филатов. – Чем же вам Японское не угодило?

– Оно прекрасно. Просто мы путешествовали.

– Автостопом? – почему-то спросил Михаил.

Аня искренне удивилась.

– Да. Откуда вы знаете?

Филатов почувствовал, как тоскливо сжимается сердце. Аня, всё больше изумляясь, смотрела, как он берет её гитару, садится и уверенно пробует звучание, прислушиваясь и чуть подтягивая колки. Она, боясь спугнуть его порыв, осторожно опустилась на стул. Он взял несколько пробных аккордов, и Аня почувствовала его смутную неуверенность, словно он не играл уже очень давно.

– Не знаю, слышали вы такую старую песню или нет... вряд ли, конечно.

Он начал играть, и Аня мгновенно узнала песню. А голос у него был приятный, хотя пел он негромко:

*Нет мудрее и прекрасней средства от тревог,
Чем ночная песня шин...*

Аня тихонечко подхватила:

*Длинной-длинной серой ниткой стоптанных дорог
Штопаем ранения души...*

Он перестал петь и взглянул на неё.

– Знаете, – сказал он тихо. – Всё-то вы знаете.

– Нет, – сказала Аня так же тихо. – Не всё. Я-то думала, что вас я узнать успела. Оказывается, ничуть.

Филатов поставил гитару на место, и Аня ощутила сожаление.

– Вы думали, что я сатрап, правда? – он усмехнулся.

– Я никогда так не думала и сейчас не думаю.

– А что же вы обо мне думаете? – он постарался задать вопрос небрежно, словно ответ его вовсе и не интересовал, но вдруг понял со всей серьёзностью, что ждёт этого ответа, как ничего другого в жизни.

– А разве вам интересно, что о вас думают ваши... сотрудницы? – невинно поинтересовалась Аня.

– Ах, вы, колючка! – тихонько рассмеялся Михаил, и она тоже улыбнулась, почти как на фотографии. По окнам колотил дождь, и он вдруг ощутил такую расслабленность и

нежелание никуда идти, и такую острую потребность щелкнуть клавишей электрочайника и завести долгий неспешный разговор... ну хотя бы о Чёрном море и об автостопе. И он так испугался этих неожиданных мыслей и ощущений, что резко поднялся, запахивая плащ.

– Прошу извинить меня, Анна Егоровна, но у меня сегодня еще встреча в мэрии.

– В чем же цель вашего... неожиданного визита? – спросила Аня вежливо и холодно, хотя ей прекрасно была ясна эта самая цель. Как ненадолго он открылся... думала она мучительно... как мало я успела узнать.

– Собственно, все и так ясно, Анна Егоровна. Я пришел просить прощения за своё недостойное поведение и ... оскорбление вашего достоинства.

Вышло как-то коряво и высокопарно, и вообще плохо. А она смотрела на него ледяными глазами, которые еще минуту назад были такими тёплыми и весёлыми. Ему хотелось завывать от злости.

Она могла его здорово и с полным на то правом помучить сейчас, и он ждал этого с обречённостью и остервенением. Она могла посмеяться над ним, даже попытаться унижить. И неизвестно, сможет ли он это выдержать или захлопнет её дверь навсегда. Но она ему нужна, и он не мог просто так отказаться от неё. Это была суперсекретарша, и ради неё стоило побороться – такой мыслью он пытался развлекать себя всю дорогу до её дома, впрочем, не слишком успешно. Он

ждал, ждал её слов, чтобы правильно выбрать тактику, чтобы выйти с минимальными потерями для своей обострённой гордости, но она молчала, и это было хуже всего. Она не нападала, оставляя его в бессмысленной и беззащитной ситуации, и ему пришлось продолжать:

– Вы – ценный сотрудник... Я нуждаюсь в вас.

– Вы нуждаетесь в моих драгоценных мозгах? – уточнила Аня спокойно.

Эта женщина когда-нибудь ответит за все свои колючки, подумал Филатов яростно. Когда-нибудь он сделает с ней что-нибудь... особенное.

– Я нуждаюсь в вас, – повторил он, почти потеряв самообладание. – В вас! В вашем профессионализме, в вашей личности, в вашей энергии. В вашем спокойствии и рассудительности... вашей искренности и прямоте. И в вашем уме, конечно. Я повышу вам зарплату, оплачу санаторий – любой выбирайте, оплачу лечение, – он помолчал и добавил тихо. – Простите меня.

Она смотрела, как он ломает свою гордость – ради неё. Неужели только из-за её профессионализма этот жуткий гордец терпит сейчас такие муки?

Она оценила сию титаническую борьбу.

– Я принимаю ваши извинения. Собственно, я думала, что не вернусь никогда. Но вы меня здорово удивили, Михаил Иванович, придя сюда. Мне очень приятно... – она вдруг охрипла и сильно закашлялась.

Его руки обхватили её за плечи, приподняли со стула, и он повёл её в комнату. Уложив её в кровать и накрыв одеялом, он присел рядышком.

– Я поеду сейчас, Анна Егоровна. Мне действительно пора, – он распечатал ей ещё одну таблетку. – Включите ваш телефон, я буду иногда звонить. Пospите пока. И выпейте, Нина же сказала.

Аня послушно проглотила таблетку и запила.

– Не надо повышать зарплату, и санатория тоже не надо, – прохрипела она, отдышавшись. – Я три дня дома полежу, и всё будет в порядке.

– Надо, – жёстко сказал Филатов. – Я снова ваш босс и нечего спорить.

– Не люблю я санаториев, – рассмеялась Аня, – Я дома быстрее оклемаюсь, правда. И можно мне материалы на дом присылать, у нас же там завал.

«У нас», – повторил про себя Филатов, и ему почему-то стало приятно.

– Глупости, – улыбнулся он. – Я сожалею, но мне нужно ехать.

Аня кивнула и беспомощно улыбнулась, бессознательно вспоминая живое тепло и силу обхвативших её рук.

– Конечно, босс. Дверь сама захлопнется. До свидания, Михаил Иванович.

– До звонка, Анна Егоровна. Поправляйтесь.

Ощущая себя полным идиотом, он рухнул за руль сво-

ей оливковой «Тойоты-Лэндкрузера». И что он, спрашивается, сейчас делал? И на кого он был сейчас похож? На главу преуспевающего инвестиционного холдинга «Транс-Инвест»? Ох, как бы не так! Хорошо, что водителя он сегодня отпустил, а то совсем бы оконфузился. Он никогда не смущался своих визитов к любовницам и частенько ездил туда с водителем, а сейчас он был счастлив, что о его визите никто ничего не знает.

В мэрию он безнадёжно опоздал. Надо было Ваську-зама посылать, для этого, в конце концов, он и нужен, а то сидит в своём шикарном кожаном кресле, важно надувает щёки, работая, по сути, с мелочёвкой. Дурацкая привычка всё хоть сколько-нибудь значимое делать самому, оставшаяся с прошлых времён, теперь превратилась почти в порок, мешающий жить. Да что там жить – дышать! Дышать уже было некогда!

Он машинально повернул ключ, и двигатель сыто и тихо заурчал. Сердце до сих пор стучало бешено и больно. Отъезжая от слегка обшарпанного двухэтажного дома, Михаил всё же не удержался и бросил взгляд на два окна, в которые продолжал стучаться мелкий дождик.

«Кто же ты, чёрт возьми, такая, Анна Егоровна, и что тебе от меня надо? И, самое главное, что мне-то от тебя надо?»

Подняв тучу брызг из-под холёного оливково-серебряного борта, джип мощно рванулся вперёд и растворился в промозгом владивостокском тумане, чуть подсвеченном начи-

навшими загораться уличными фонарями.

Глава 4

Филатов сидел в своём кабинете с самого утра, потому что сбежал от Милы, всё пытался засесть за работу и всё никак не мог. Он вскакивал, выглядывал в ещё тёмное окно, за которым мрачно чернело осеннее море, метался по кабинету, хватая в руки что ни попадя, словом, был зол, неустроен, и день не задался. От злого безделья он вышел в приёмную и зачем-то сел в секретарское кресло, вот уже почти неделю пустовавшее. Он сидел, мрачно уставившись в мёртвый чёрный монитор компьютера, и старался хоть как-то затянуть мерцавшую внутри себя пустоту. Эта пустота всегда появлялась там после посещения любовниц. Он ненавидел эту пустоту и боролся с ней, как только мог, но не помогало ничего: ни кофе, ни таблетки, ни алкоголь, ни самовнушение, ни работа. Примерно через полдня пустота потихоньку рассывалась сама, но эти полдня всегда тянулись для него столь долго, что ему хотелось на полном серьёзе выйти на пирс и свалиться кулём в холодное грязное море, чтобы пустота соединилась с пустотой и всё кончилось.

Сегодня пустота мучила его особенно изощрённо. Почему нет никого рядом, кто мог бы сварить ему кофе? Горячий и крепкий как ад. Он уже хотел выбраться из кресла и пойти пошариться в кухонном отсеке, как дверь открылась,

и вошла его секретарша и доверенный помощник. Или помощница?

Аня удивилась, застав шефа в своём кресле, но виду не подала.

Филатов внезапно так обрадовался, что с трудом справился с собой и ничем своей радости не выдал. А почему не выдал, он и сам не понял.

– Доброе утро, Михаил Иванович, – улыбнулась Аня, прошла мимо него к шкафу, сняла плащ и пристроила его на плечики.

– Я хочу кофе, – сварливо сказал Филатов и ужаснулся про себя своей грубости. – Наконец-то кто-то будет варить мне вовремя нормальный кофе.

Он боялся, что если перестанет грубить, то подойдёт к ней и обнимет, и всё рухнет. А что рухнет, он и сам не знал.

– Будет сейчас вам кофе, шеф, – усмехнулась Аня и начала возиться в кухонном закутке. Эта возня, такая привычная и обыденная, вдруг подействовала на него совершенно неожиданно. Он осторожно потянулся мыслью внутрь себя, боясь провалиться в пустоту... и не провалился. Не было пустоты! Не было жуткой, многотонной обречённости. И начинающейся тупой настырной головной боли тоже не было. Чудеса, да и только!

Анна Егоровна перестала шуршать и щёлкнула клавишей кофеварки. Потом подошла к окну, приоткрыла фрамугу и раскрыла жалюзи во весь просвет. Автоматически потрога-

ла пальцем землю в горшке с фикусом и недовольно покачала головой. Михаил наблюдал за ней и не понимал, как он раньше умудрялся обходиться без неё.

Вся предыдущая плеяда его секретарш не держалась и по полгода. Впрочем, он сам был виноват: их всех можно было выстраивать в ряд и устраивать конкурс «Мисс Вселенная» с неясным исходом. И всё всегда заканчивалось одинаково и дорого. И, в принципе, он никогда не понимал, зачем ему секретарша. Это был статус, а не его желание. Он всегда и со всем справлялся сам. И начальника из себя корчить не любил. И всегда знал и помнил всё, что необходимо ему для дела. Память у него великолепная. Не нуждался он ни в каких помощниках и помощницах! И языками нужными в нужной степени владел. Но как же это: у его важных замов по важной холёной секретарше, а он – сам?.. Не бывает так! Не поймут. Засмеют. И он вынужденно подчинился. Он и так слишком много себе позволял, чего уж там, и постепенно приучил всех к своим причудам. Но без секретарши он был бы не настоящим боссом, так, подделкой какой-то... и он терпел. Терпел, скрипя зубами, заигрывания, путаницу в своих расписаниях, отлучки в кафешку в рабочее время, макияж в кухонном отсеке, невообразимо тонкие окурки в пепельнице, раздражающие и провоцирующие головную боль ароматы всяческих духов и пустые, безнадёжно пустые головы под роскошными шевелюрами. А стоило ему повернуться, и он почти слышал щёлканье алчных челюстей за спиной.

Он решил больше не попадаться на старую удочку и из трёх кандидаток, тогда, в августе, выбрал самую скромную и невзрачную.

И неожиданно попал в десятку.

Он понял, что такое секретарь и доверенное лицо. Он стал настолько больше успевать и избавился от такого количества неудобств, что впору было петь и плясать.

Когда случился весь этот психоз, и она заболела, ему почти неделю пришлось обходиться без неё. И он чуть не взвыл. Без неё было никак!

Он потянул носом, и запах свежего кофе наполнил всё его существо, возвращающееся к жизни.

– Как ваше здоровье, Анна Егоровна? – наконец, задал он вопрос, который больше всего хотел задать. – Я, признаюсь, не ждал вас уже сегодня.

– Я хорошо себя чувствую, спасибо. И по работе соскучилась.

Филатов недоверчиво фыркнул:

– Ну и ну, соскучилась она. Вы бледноваты, по-моему, и вам бы ещё лежать и лежать.

– Не хочу, – сказала Аня, подавая ему блюдце с чашкой кофе.

– Я разбил вашу тарелку, – вдруг вырвалось у него.

– Специально? – спокойно спросила Аня.

– Специально, – мрачно буркнул Филатов и отхлебнул кофе. Это был самый лучший кофе в его жизни, и варить его

умела только она.

– Ну и зря, – заметила Аня всё так же спокойно. – Эту тарелку моя подруга расписывала сама и подарила мне на день рождения.

Она одёрнула свой скромный серебристо-серый жакет, надоевший ему хуже горькой редьки, и скромно поинтересовалась:

– Вам не кажется, что вы сидите на моём месте, Михаил Иванович?

– Тут всё моё, – сердито отозвался Михаил Иванович, прихлёбывая крепкий, сладкий, самый вкусный в мире кофе.

Аня громко рассмеялась, и он с трудом сдержался, чтобы не сорваться с места, не обнять её и не пуститься в пляс.

– У вас заметно испортился характер со времени нашей последней встречи, шеф. Наверное, без меня вам было скучно.

Филатов взглянул на неё остро, и она перестала улыбаться.

– В самую точку, Анна Егоровна, – ответил он и поднялся с чашкой в руке. – Садитесь, Анна Егоровна, на своё законное место, включайте компьютер, разберитесь для разогрева с тем, что притащил сюда на этом диске мой несравненный зам, Василий Андреевич, а потом посидим вместе, покумекаем над одной идеей.

Он уже взялся за ручку своей двери, как обернулся и заметил с улыбкой:

– Я не умею расписывать тарелки, но постараюсь что-нибудь организовать.

– Не надо, – быстро сказала Аня.

– Надо, – отрезал Филатов и захлопнул дверь.

Аня не могла видеть, как он с широкой улыбкой прислонился к косяку. Его настроение зашкаливало за отметку «отлично», а это случалось совсем нечасто.

Аня пришла на работу в понедельник, сегодня была пятница, и у Ани не осталось уже никаких сил. Всё-таки она ещё не восстановилась после болезни и уставала быстро. Она выкарабкалась из-за стола с облегчением думая, что вечером она будет у Ирки на поместье и наконец-то нормально отдохнет. А, может, вовсе не ехать, слишком много усилий, просто добраться до дома и завалиться спать на все выходные. Просыпаться только изредка, чтобы заложить в себя какой-нибудь бутерброд и запить его крепким сладким чаем... Аня сняла надоевшие ненужные очки и потёрла переносицу. Потом подошла к окну и выглянула на улицу. Стоит. Аня даже поморгала на всякий случай, но симпатичная машина со стоянки никуда не делась. Аня вздохнула, в очередной раз вспоминая вчерашние события.

Всю эту неделю её босс был необычайно мягок. Он перестал посылать её в магазины, водил по вечерам к Петру в ресторан, загружал работой едва ли в половину прежнего. Аня

ворчала, а он только посмеивался. А вчера и вовсе отколол штуку такую, что Аня до сих пор не могла прийти в себя.

Они ездили на встречу с руководством небольшой мореходной компании, с которой Филатов собирался заключать контракт. По уже сложившейся традиции на пути обратно Аня излагала ему свои впечатления о сотрудниках. Филатов, как обычно, ловко рулил (он редко пользовался услугами водителя) и задумчиво кивал. Въехав на стоянку «Транс – Инвеста», он заглушил двигатель, но выходить не стал, а откинулся на сиденье и расслабился. Он часто позволял себе такие маленькие моменты отдыха, и это помогало ему поддерживать бешеный ритм его жизни. Аня последовала его примеру и с наслаждением прикрыла усталые глаза.

– Вы правы насчёт Мещерякова, Анна Егоровна, – раздался в тишине салона его голос. – Мне он тоже сразу понравился. Только вот команда его гроша ломаного не стоит. А коли он один всё примется на себе тянуть – кабы хребет не лопнул.

Аня помолчала, а потом заметила осторожно:

– Вы тоже один.

Филатов медленно повернул голову, и Ане снова досталась порция холодного рентгена. Она не смотрела на него, но по спине поплыли ледяные мурашки. Она слушала, как он медленно и устало дышит.

– Да, я один, умная моя помощница. Думаю, кроме вас этого никто не понимает. Эта империя – моё детище. Но без

меня она не развалится: каждый в ней на своём месте и выполняет в совершенстве свою маленькую роль.

– И гордится этим до безумия... Из вас получился бы неплохой жрец, – с иронией пробормотала Аня.

– Жрец? – его брови недоумённо поднялись.

Аня смутилась. Опять её занесло.

– Ну, знаете... В Древнем Египте номинально правили фараоны. Но любого фараона тайно контролировали верховные жрецы.

– Интересное сравнение. Но я и фараон, и жрец в одном лице.

– А вы сами гордитесь своей империей?

Он смотрел в её глаза так долго и так странно, что у неё онемела спина.

– Пойдёмте-ка со мной, Анна Егоровна. Я вам кое-что покажу.

Филатов не слишком грациозно выбрался из машины. Аня открыла дверь, осторожно слезла с высокого борта и тут же вспомнила, что этого делать не следовало.

– Сколько можно вас учить, а? Вы что, законченная феминистка? – проворчал её начальник, уже обойдя машину.

Филатов считал себя джентльменом, пусть и не холёным английским лордом, но открыть даме дверь машины и подать руку было для него нормой и доставляло ему своеобразное удовольствие. Вот мол, и мы не лыком шиты, и в Европах бывали и по Парижам-Лондонам хаживали и даже амурь

крутили с известными красавицами. От мысли о парижских красавицах у Михаила сделался спазм желудка.

– Извините, Михаил Иванович, – пробормотала Аня, в Париже тоже в своё время побывавшая (автобусным туром), но этикету толком не обученная. В шоу-бизнесе, где вращалась мать, любое общение было пересыпано отборным матом, Анина школа и университет были обычными, а жизнь в поселении складывалась совсем по другим нормам.

– Да Бог с вами, безнадежная, – махнул рукой Филатов. – Пойдёмте.

Он повёл её мимо хищно сверкающих автомобилей на самый край начальственной стоянки и остановился около ладной серебристой легковой «Тойоты». Аня недоумённо наблюдала, как он неторопливо шерудит рукой во внутреннем кармане элегантного кашемирового пальто, достаёт ключи с брелком и протягивает ей.

– Это ваша служебная машина, Анна Егоровна. Хватит, поди, по автобусам толкаться.

– Я не умею водить, – потрясённо прошептала Аня.

– Так я и знал, – буркнул Филатов и вытащил телефон. Аня стояла, превратившись в соляной столп, и боялась пошевелиться, чтобы не рассыпаться на миллионы сверкающих пылинок. А, может, лучше рассыпаться?

– Анатолий, здравствуй. Подойди на стоянку. К серой «Тойотке». Да.

Он сунул телефон в карман и взглянул на Аню довольно

мрачно.

– Не надо, – она вдруг охрипла.

– Надо! – взорвался шеф. – Хватит из себя сироту казанскую строить!

– Московскую, – машинально поправила Аня, мечтая исчезнуть, провалиться, испариться, распылиться.

– Почему московскую? – Филатов так удивился, что даже остыл.

Аня моргнула, мгновенно осознав, что она только что сильно осложнила и без того сложную ситуацию.

– Да так, к слову, – неохотно ответила она. Выкручиваться и отшучиваться не было сил. Пусть копается в её личном деле, если захочет. Что ему до неё?

Ему было очень даже до неё. И как это он до сих пор не догадался заглянуть в личное дело этой прелюбопытнейшей дамы? Внутри него вдруг предупреждающе шевельнулся старый знакомый дракон. Не лезь, тихо шипела драконья пасть, не суй свой нос в чужой вопрос, хуже будет.

Появился запыхавшийся смуглый человечек с большими тёмными усами. Глаза у него были чёрные и маслянистые как чернослив, с весёлой искрой, а рот – хмурый и не улыбочивый.

– Анатолий Красавин, – представил его Филатов Ане. – Анатолий, будешь возить Анну Егоровну, куда скажет и в любое время. Она – мой доверенный помощник.

– Не беспокойтесь, Михал Ваньч, доставим в лучшем виде! – он попытался улыбнуться Ане, но его рот такие воль-

ности ему не позволял.

– Меня только домой, – робко улыбнулась Аня в ответ.

– Куда скажете, туда и повезёт, – жёстко сказал Филатов. – Смену, Толя, сам себе подыщи, не позже следующей недели. Ясно?

– Да как же ж не ясно, Михал Ваныч! Всё будет в лучшем виде! Вы не волнуйтесь, Анна Егоровна. Фильм «Такси» видели?

Аня смущённо улыбнулась и кивнула.

– Во-во! Дак это про меня прямо, я водила – класс!

– Иди, иди, супергерой, – фыркнул Филатов.

Красавин исчез так же быстро, как и появился. Филатов поправил свой белоснежный шарф и запахнул пальто.

– Про «Такси» он нисколько не преувеличивает, – усмехнулся он. – Пойдёмте в здание, Анна Егоровна, а то замёрзнете.

Аня смотрела на мокрый асфальт и крошево бурых листьев, забившихся под бордюр. Было холодно и неудобно и на душе тяжело неизвестно почему. Впору бы радоваться, но у Ани ведь всё не как у людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.